

ЖЕНЯ ЮРКИНА

БЕЗЪЕДИ

ОДНОГЛАЗЫЙ ДОМ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю74

Иллюстрация на обложке и карта на форзаце
Вельги Северной

Юркина, Женья.
Ю74 Безлюдь. Одноглазый дом / Женья Юркина. —
Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-165392-7

Пьер-э-Металь — город, скроенный из камня и металла. Его улицы петляют меж глухих трущоб, шумных таверн и оживших от одиночества домов — безлюдь. Уникальная сила — их дар, служба им — проклятие.

Осиротевшие сестры Гордер попадают в чужой город и оказываются втянутыми в опасное расследование. Они — ключи к разгадке, запертые в безлюдь. И если мир так жесток, можно ли доверять незнакомцам, предложившим руку помощи?

Лютен — одержимый смотритель безлюдь.

Домограф — увлеченный исследователь и карьерист с безупречной репутацией.

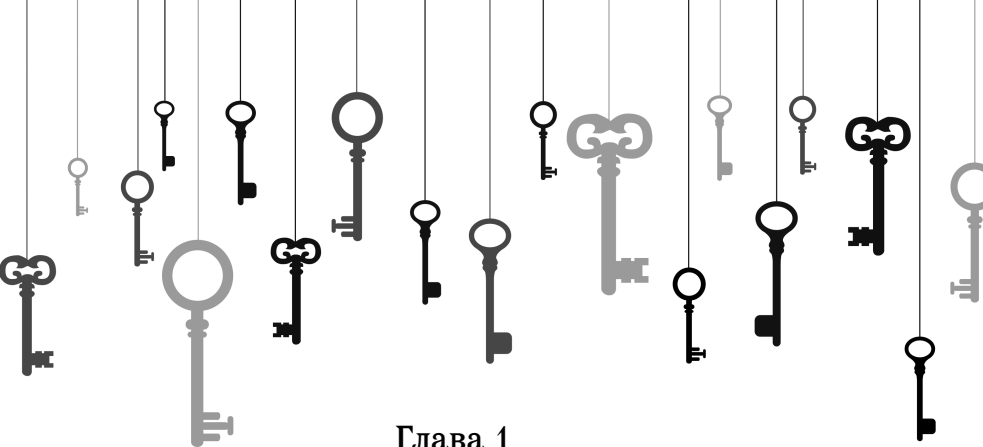
Хозяин таверны — балагур, герой сплетен и жутких легенд.

Город погряз в тайнах и заговорах: убийцы, предатели, влиятельные толстосумы, религиозные фанатики... Настало время бросить им вызов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165392-7

© Юркина Ж., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

Дом на краю

Офелия открыла глаза, не зная, что ее потревожило. Лай соседских собак? Пора бы уже привыкнуть, что каждую ночь они надрываются на всю округу. Или это ветер хлопает незакрепленными ставнями? Тогда нужно их запереть, иначе и дальше будут надоедливо греметь, не давая уснуть.

Соскользнув с кровати, она ощупью пробралась к окну. Темный провал дышал прерывисто, с протяжными выдохами и скрипучими вдохами. Задвижка была сломана, и распахнутые створки колыхались в воздухе, точно крылья ночной птицы. Офелия потянулась к ним, как вдруг заметила тень, мелькнувшую у крыльца. Она отпрянула, убеждая себя, что ей померещилось. Спряталась в складках занавесок, опасливо выглянула снова. Три темных человеческих силуэта обрисовались перед входной дверью. Кто бы это ни был, они пришли сюда не с благими намерениями.

Дом стоял на окраине, соседствуя с бедным кварталом и трущобами. Воровство и разбой давно стали для местных частью быта, из-за чего Офелия приняла полуночных гостей за грабителей. Таких не остановят дверные замки и задвижки на окнах.

Офелия заметалась по комнате, судорожно соображая, что делать: позвать сестру, разбудить родителей... И тут же замерла, сраженная ужасным осознанием. Родителей

больше нет, старшая сестра в отъезде, и рядом никого, кто мог бы защитить. Придется спасаться самой, поняла она и стремглав бросилась на первый этаж, где отчетливо слышалась возня за дверью. Пока бандиты мешкали, оставался шанс улизнуть через черный ход и перебраться в соседский двор, чтобы поднять тревогу.

Стараясь не выдать себя неосторожным движением или шумом, Офелия скользнула на кухню. Полумрак не помешал быстро отыскать ключ в корзине для фруктов и прокрасться к двери, ведущей на задний двор. До спасения оставалось несколько шагов, когда ручку дернули с той стороны. Иссохшее дерево задрожало на петлях, закашляло пылью из глубоких трещин.

Офелия нырнула под стол и спряталась за длинной скатертью, прежде чем дом сотрясся от череды гулких ударов, а потом вмиг стало так тихо, что она подумала, будто оглохла.

Вскоре беспокойный слух уловил шаркающие шаги в холле, на лестнице и, уже едва различимые, наверху. Что грабители рассчитывали отыскать в обветшалом, полузаброшенном доме? Отбросив лишние мысли, Офелия поползла к краю укрытия, надеясь улучшить момент и бежать. Ее остановил оглушительный грохот от мощного удара, выбившего кухонную дверь. Повеяло сквозняком, и колючий озноб охватил от макушки до пяток.

Затаившись, она слушала, как кто-то шаркает, гремит посудой, точно ищет еду, а потом, отыскав, противно чавкает. Трапеза увенчалась звоном опрокинутой тарелки и грязной бранью, следовавшей за этим. Скатерть свисала низко, оставляя небольшой просвет: через него виднелись осколки тарелки из обожженной глазури и кусок яблочного пирога. За ним потянулась огромная ручища, и Офелия невольно дернулась, поздно заметив, что край ночной сорочки предательски торчит из-под края. Совсем чуть-чуть — и все же достаточно, чтобы выдать ее укрытие. Только она подумала об этом, как скатерть резко задралась, и в полумраке возникло лицо: бледное пятно

с блестящими глазами. Взгляд их был злобным, почти хищным.

— Кто это у нас тут? — Бандит присвистнул. — Малышка хотела сыграть в прятки? Малышка проиграла.

Лицо засмеялось — хрипло и рвано, будто заляяло. Офелия швырнула в него пустой корзиной, подвернувшейся под руку, и выскочила из-под стола, однако не смогла даже шагу ступить, как разбойник поймал ее за рукав. От рывка тонкая ткань надорвалась и выскользнула из грубой лапищи, подарив короткую надежду на побег. Уже в следующую секунду Офелия получила удар под колени и вылетела из кухни, как камень из рогатки: стремительно, неуклюже, звучно. Не успела она оправиться от падения, как ее схватили за щиколотку с такой силой, что кости хрустнули. Свободной ногой Офелия попыталась лягнуть обидчика, но слабые удары, даже попадая в цель, оказались бесполезны. Она чувствовала себя рыбой, угодившей в сеть и бестолково бьющейся в смертельной ловушке. Грабителю ничего не стоило одним движением пресечь все попытки, а он медлил нарочно, с кровожадным оскалом наблюдая за ней, будто готовясь впиться зубами.

Внезапно за его спиной возникла широкая тень и, стремительно приблизившись, обрушилась сверху с дребезжанием и звоном. Офелия чудом успела откатиться в сторону, прежде чем бандит грузно повалился на пол, а деревянный буфет, нашпигованный посудой, накрыл его, точно могильная плита.

Оцепенев от ужаса, Офелия наблюдала, как пятно вязкой жижи растекается по доскам, и только торопливые шаги на втором этаже вывели ее из ступора. Она вскочила и помчалась через холл под яростный вопль: «Хватай девочку!»

Отчаянный рывок к двери, прыжок — и вот уже лестница позади. Гравий впился в босые ступни, а она даже не притормозила и бросилась прочь с криком о помощи. Ее зов переполошил всех собак, но не зажег ни одного окна.

Улица спускалась к городским трущобам и фермам, за которыми начиналось пшеничное поле. Спрятаться там негде, попросить защиты — не у кого, а поворачивать уже поздно. С улюлюканьем и свистом преследователи неслись за ней.

Пробегая мимо фермерских участков, Офелия снова попыталась докричаться до местных. Бесполезно. В груди жгло все сильнее, а босые ноги замерзли до онемения. Тело двигалось само, как у заводной куклы. Казалось, механизм вот-вот сломается, и она рухнет на землю без чувств. Грабители тоже устали и замолкли, хотя по-прежнему не отпускали далеко.

Дорога петляла и уводила все дальше, пока не оборвалась у дома — огромного, старого и одинокого. Это был последний шанс на спасение.

Взобравшись по ступеням высокого крыльца, Офелия заколотила в запертую дверь. С той стороны раздался громкий собачий лай, но ничего больше: ни шагов, ни вопроса «кто там?». В окне — ни тени, ни проблеска света.

— Откройте! Спасите! Умоляю!

Голос ее сорвался в рыдания, что лишь раззадорило преследователей, окруживших крыльцо. Они зашлись хриплым смехом, подступая ближе. Загнанная в ловушку, Офелия вжалась в дверь, с горечью осознав, что все надежды напрасны: местные никогда не отзовутся и никому не помогут. Таковы традиции города. Один из бандитов, тот, что выше и шире остальных, уже поднимался по лестнице, разведя в стороны огромные ручищи, готовые схватить добычу.

Неожиданно дверь за спиной распахнулась, и какая-то неведомая сила затащила ее в дом. Офелия не удержалась на ногах и упала навзничь, приложившись затылком к каменному полу. В глазах потемнело, и на время она вообще перестала что-либо видеть, доверяя лишь слуху. Раздался металлический скрежет, затем грохот, яростные возгласы и ругань.

— Эй, верни девчонку! — рявкнули из-за двери.

— Иначе спалим к демонам весь дом!

Офелия лежала, боясь пошевелиться и готовясь к худшему: вот сейчас ее схватят и вышвырнут вон, чтобы избавиться от проблемы. Вместо этого голос из темноты властно шикнул:

— Марш наверх! Прячься!

Позабыв о боли, она поднялась и интуитивно побежала на свет, к лестнице. Взлетев по ступеням, юркнула в первую замеченную дверь. За ней оказалась небольшая спальня. Офелия рыбкой нырнула под кровать, натянула край покрывала до пола и затаилась.

Мог ли хозяин дома в одиночку противостоять троим? С ужасом она представила, что случится, если грабители прорвутся внутрь. Никакое укрытие ее не уберезет. Фантазии прервались чередой звуков: звоном разбитого стекла, стуком, лязгом и парой громких хлопков, похожих на выстрелы. А потом наступила гнетущая тишина.

Офелия вся сжалась и, кажется, перестала дышать. Прислушалась. Глухой стук. Скрип двери. Щелчок тумблера лампы. Чьи-то медленные шаги, звучащие все ближе...

Она видела лишь кожаные сапоги — высокие, с толстой шнуровкой, такие в доме не носят. К горлу подкатила тошнота. *«Хоть бы не они, хоть бы не они...»* — взмолилась Офелия. Тем временем человек вычислил, где она прячется, опустился на колени и заглянул под кровать.

На Офелию уставились черные и блестящие, как лакричные конфеты, глаза.

— Можешь вылезать, они ушли.

Ей протянули руку и помогли выбраться.

— Как твоя голова?

— На месте, — буркнула Офелия, осторожно ошупывая шишку на затылке, и осмелилась посмотреть на своего спасителя.

Он выглядел ровесником ее двадцатилетней сестры или только казался младше своего возраста. Возможно, такое впечатление создавала его щуплая фигура в наглухо застегнутой куртке с металлической фурнитурой и брюках, заправленных в высокие сапоги. Похожую одежду носили

охотники, а у него лицо было «неохотничье»: доброе, выразительное и необычайно подвижное, будто он примерял на себя разные эмоции и никак не мог определиться.

— Если захочешь умыться, ванная напротив. В котле есть горячая вода.

Не успела Офелия поблагодарить радушного хозяина, как раздался жуткий вой.

— Бо ругается, что я запер его, — успокоил спаситель и скрылся. Наверно, поспешил вызволить узника, поскольку вой вскоре затих.

Оставшись одна, Офелия резко ощутила усталость, взглянула на босые ноги — все в пыли и ссадинах — и заключила, что встреча с мылом неизбежна.

Ванную комнату украшали изразцы, латунные краники и прочие изыски. Под круглым окном стояла массивная ванна на звериных лапах. Сплошная роскошь, пусть обветшавшая и запущенная, если приглядеться. По стенам расплозились ветвистые трещины, котел покрылся ржавчиной, а лепной узор на потолке зиял пустотой — пара фрагментов выпала, словно молочные зубы.

Наскоро ополоснувшись, Офелия отправилась на поиски хозяина. Следуя на свист чайника, она забрела на кухню. На пороге ее встретил пес: бело-рыжий, с черными подпалинами на спине и свисающими ушами, которые смешно затряслись, когда он залаял.

— Бо, — одернул его хозяин, пригрозив кухонным полотенцем, — будь вежлив с нашей гостьей. Хватит ей потрясений на сегодня.

Пес сменил гнев на милость и даже позволил погладить себя. Усыпив его бдительность, Офелия подобралась к столу, где ее дожидались кружка с мятным чаем и аккуратно сложенный плед. Укутавшись, она устроилась на стуле, поджала ноги и прикрыла саднящие ступни.

— Как тебя зовут, привидение в белом? — шуточно спросил ее спаситель.

В одежде, болтающейся на ней, как простыня, Офелия и впрямь могла сойти за привидение, что ворвалось среди

ночи в чужой дом. Сорочку она одолжила у сестры, дабы не так сильно грустить в одиночестве. Как и все вещи Флори, спальная рубашка пахла ее духами: свежестью бергамота и сладостью пионов, хотя к этому моменту утратила аромат. Теперь от нее несло потом и дорожной пылью.

Офелия назвала свое имя. Мягкое и певучее, оно совсем не подходило для обычной жизни: «Офе-е-е-елия», — как самая печальная мелодия для скрипки. Представившись, она как обычно добавила:

— Можно просто Фе.

— А я Дарт, будем знакомы.

Его имя пронеслось резко и твердо, как нож, вонзившийся в мишень. Офелия подумала о метателе ножей из цирка. Каждый раз, когда металл и дерево говорили «Дарт», зал аплодировал. Она повторила имя, привыкая к нему. Сложные, длинные имена были для каждого предметом гордости, и при знакомстве люди всегда представлялись полностью, не упуская ни одной буквы.

— Это сокращение?

— Нет, просто мои родители ленивые люди. — Усевшись у противоположного края стола, Дарт лукаво прищурился и спросил: — Ну-с, и что же случилось с Офелией?

После ее короткой сбивчивой речи Дарт погрузился в размышления и задался самым опасным вопросом: где же были взрослые. Ей не хотелось отвечать, но пришлось. Сестра уехала по делам, а родителей с ними больше нет. Как странно и дико звучала правда. Дарт выдохнул одно только «ох» и замолк, а она хлебнула чаю, чтобы избавиться от горечи во рту, оставшейся от ее слов.

— Значит, ты живешь со старшей сестрой, — продолжил он чуть погодя.

— Да, просто Флори уехала решать вопрос с наследством. — Офелия растерянно замолчала, силясь придумать объяснение их проблемам, а в итоге призналась: — Я мало что в этом смыслею.

— Оно и неважно.

Дарт сделал пару глотков из своей кружки и улыбнулся из-под молочных усов, похожий на хитрого кота, а затем небрежно вытер их тыльной стороной ладони, став достаточно серьезным, чтобы спросить:

— Есть идеи, кто мог забраться к вам?

Офелия покачала головой. У нее не было времени обдумать, кто и зачем проник в их дом. Скорее всего, орудовали простые грабители, в Пьер-э-Метале таких шаек полным-полно, особенно на окраинах. Понимая, к чему клонит Дарт, она осторожно сказала:

— Наверно, придется обратиться к следящим.

— Подумаем об этом позже.

Офелия облегченно перевела дух.

Боясь снова встречаться с блюстителями порядка и возвращаться в пустой дом, она лелеяла надежду остаться на ночлег здесь. Дарту ее наглая просьба не понравилась. Улыбка вмиг стерлась с его лица, брови нахмурились. Рассеянным движением он взъерошил черные волосы, пропустив их сквозь пальцы, а после замер, словно прислушиваясь к чему-то... Неизвестно, какой ответ Дарт нашел в напряженной тишине, главное, что сжалился и позволил остаться, хотя и выдвинул для гостя три правила: не соваться в другие комнаты, кроме ныне известных, не трогать вещи без позволения и не задавать лишних вопросов.

— Лишних — это каких? — вежливо уточнила она.

— Например, вот таких, — Дарт смешно передразнил ее и сам же расхохотался.

Выглядел он вполне безобидно, и все же чувствовалось в нем какое-то опасное притворство. Она ведь совсем не знала, кто перед ней. Вдруг это сумасшедший или маньяк, поселившийся в доме на отшибе. Офелии стало любопытно, как Дарту удалось разобраться с преследователями в одиночку.

— Что я сделал с ними? А у тебя какие версии? — бросил он, и в глазах его появился коварный блеск.

Страх, холодный и липкий, как болотная жижа, медленно растекся по телу, и Офелии пришлось успокаивать

себя. Разве может такой добродушный человек оказаться плохим? Встретившись с ним взглядом, она поняла, что молча рассматривает Дарта, вместо того чтобы ответить на его каверзный вопрос.

— Я лишь надеюсь, что ты их не убил.

Дарт и тут нашел повод посмеяться. Смешок был коротким и непонятно что выражающим — то ли веселье, то ли упрек.

— Я похож на убийцу?

— В книжках убийцы обычно те, на кого никогда не подумают. Это развязывает им руки, — изрекла Офелия.

— Мудро. — Дарт одобрительно хмыкнул, а после признался: — Я подстрелил одного из них. Не смертельно, хотя достаточно убедительно. Они удрали, а я отделался легким испугом и разбитым окном.

Финал будто из сказки: злодеи наказаны, герои благородны, принцесса спасена. Офелия просияла и вернулась к уже холодному чаю. К тому времени он превратился в гадкую горьковатую жидкость. Отец называл такой чай «замерзшим», потому что, остывая, забытое озеро в кружке покрывалось пленкой, будто льдом. В какой-то момент, отвлекаясь от работы, отец обнаруживал это, шел за новой порцией и, возвращаясь за чертежный стол, звучно прихлебывал по пути.

Воспоминания согрели не хуже шерстяного пледа, и Офелия едва не уснула за столом. На ватных ногах она поплелась за Дартом и оказалась в той самой спальне, где недавно пряталась.

— Раз вы сами выбрали друг друга, поселим тебя здесь, — заявил он и, пожелав доброй ночи, ушел.

Без него в комнате стало тихо и зловеще. Над кроватью парила тень балдахина, а напротив вырисовывалась мрачная громадина шкафа. Отгоняя прочь пугающие мысли, Офелия скользнула под одеяло и уснула крепко, безмятежно — так, словно и не было никаких погонь, выстрелов, нападений; словно не было ничего, кроме мягких объятий постели.

Комнату заливал яркий солнечный свет. Разноцветные блики от витражного окна танцевали на стене и складывались в причудливые узоры. Офелии казалось, будто она очутилась внутри калейдоскопа, механизм которого только что крутанули. Пестрая картинка почти стерла воспоминания о минувшей ночи, но стоило повернуться, и все тело отозвалось глухой болью.

Умывшись и расчесав спутанные волосы, она почувствовала себя намного лучше. Чтобы оценить свой вид, не хватало только зеркала — а его не нашлось ни в ванной, ни в спальне, ни у лестницы. Поиски закончились, едва Офелия почувяла невероятные запахи: печеного хлеба, молочного какао и ванили. Голодный желудок капризно заурчал, требуя завтрак.

Когда она заглянула на кухню, Дарт как раз доставал противень с выпечкой, насвистывая веселую мелодию. Стол уже был накрыт (почему-то на три персоны). Памятуя о правилах дома, Офелия не стала спрашивать, кому предназначена третья тарелка. Может быть, Бо? Словно прочитав ее мысли, пес переметнулся к ней, выключившая угощение. За эти печальные глаза можно было отдать последний кусок, но ему перепал только краешек сырного кренделя.

После завтрака Дарт собрался к стекольщику, чтобы заказать окно взамен разбитого, и Офелия осмелилась попросить заодно отправить письмо в Лим. Благо она знала адрес, где Флори собиралась остановиться. В коротком послании Офелия просила сестру поскорее вернуться и прийти в дом за пшеничным полем. Чтобы не возникло путаницы, Дарт дополнил письмо простенькой картой, указав стороны света и ближайший ориентир — водонапорную башню. С удивлением Офелия обнаружила, что убежала не так далеко, как ей показалось ночью.

— У меня есть еще одна просьба, — смущенно добавила она напоследок. — Пожалуйста, не обращай к следующим!

Дарт с интересом воззрился на нее:

— Это еще почему?

Она прикусила губу, не решаясь признаться, что им с сестрой нельзя привлекать внимание. Однажды стражи правопорядка отправили их в приют, а затем едва не упекли Флори за решетку. В тот раз сестре чудом удалось спастись, и теперь Офелия боялась, что нынешнее происшествие снова натравит на них следящих.

Она раздумывала над ответом слишком долго, чем и выдала себя. К ее удивлению, Дарт не стал выпытывать подробностей.

— Лезть в чужие проблемы себе дороже. — Он задумчиво потер подбородок и добавил: — Мне хватит разбитого окна.

Уходя, Дарт отдал команду Бо охранять дом — и на том скрылся. Судя по шуму, он последовал не ко входной двери, а на второй этаж. Офелия удивленно слушала, как наверху что-то грохочет. Оставалось гадать, что за выход скрывается там: неужели через крышу? Она бы проверила, но правила дома запрещали посещать другие комнаты, кроме тех, где она уже была, а также трогать вещи, шуметь и открывать *любые* двери. Проще перечислить, что ей дозволялось.

Пытаясь себя чем-то занять, Офелия обошла кухню. Приметила две двери по разным углам — одна вела в кладовую, а другая оставалась тайной, хотя в богатых домах к кухне обязательно примыкала просторная столовая, где проводились семейные завтраки, полуденные обеды и званные ужины. Проверять догадку Офелия не стала и прошествовала в холл. Разбитое окно Дарт заколотил широкой доской и закрепил ее согнутым гвоздем вместо задвижки. По левую сторону от двери было такое же окно, только целое. Выглядело это так, будто после драки у дома остался один здоровый глаз, а второй, подбитый, прикрыли повязкой. Унылая экскурсия завершилась прогулкой по длинному коридору с чередой запертых дверей. Раздосадованно вздохнув, Офелия скользнула в спальню.

Солнце больше не заглядывало в витраж, и от калейдоскопа осталось лишь несколько отблесков на полу.

Она улеглась на кровать под тюлевым балдахинном и стала размышлять. Если Дарт отправит послание до обеда, то к вечеру оно доберется до адресата. Вся надежда на Плавучую почту. Так в Пьер-э-Метале называли контору связи, соединявшую прибрежные города. По Почтовому каналу ходили проворные суда, доставлявшие письма и посылки, а позже появились паромы, перевозящие пассажиров. Если Флори поспешит, то успеет на ночной рейс и вернется завтра к утру.

От размышлений Офелию отвлек странный шум: вначале послышалось что-то вроде короткого всхлипа, а затем громкий хлопок. Она подскочила и завертела головой, но в комнате не нашлось ничего подозрительного, кроме шкафа, занимающего стену напротив кровати. Может, Бо забрался внутрь? Она решила проверить, чтобы не бояться понапрасну.

Дубовые дверцы с патиной распахнулись от легкого прикосновения, из шкафа дохнуло смесью ароматов из старого дерева, лаванды и календулы. Все пространство было забито платьями, и рука сама потянулась к одному из них, расшитому серебристым стеклярусом. Наряд выглядел как доспехи и весил, наверно, так же. Едва Офелия подумала о том, чтобы примерить его, зрение уловило движение: изящное, мимолетное и неестественное — потому что принадлежало платью. Оно протянуло к ней ярко-алые рукава, окольцевало запястья и рывком потащило в шкаф.

Офелия попыталась сопротивляться, упереться ногами в пол, но узлы сдавили сильнее, и пальцы пронзило игольчатой болью. Она успела только вскрикнуть, прежде чем нутро шкафа поглотило ее. Дверцы захлопнулись, ключ дважды провернулся с той стороны, а Офелия нырнула в душную глубину платьев. Одни наседали пышными юбками, другие царапались нашитыми камнями, третьи щекотали отделкой из перьев, а то, что утащило ее сюда,

продолжало стягивать узлы на запястьях. Она почувствовала себя пленницей в кандалах, брошенной в темницу.

Со злости Офелия толкнула ногой дверцу и отчаянно заворочалась. Рукава не давали свободно двигаться, и все, чего она добилась, — запуталась в юбке с кринолином. Были платья живыми или только мерещились такими, лучше им не сопротивляться. Офелия смирилась и обмякла, поняв, что самой отсюда не выбраться. Оставалось дожидаться Дарта.

Время тянулось издевательски медленно. Ей казалось, будто она просидела здесь несколько часов, чихая от запаха саше. В закрытом шкафу аромат душистых сухоцветов был навязчивым до тошноты.

Наконец слух уловил звонкий лай Бо. Офелия встрепенулась, и узлы затянулись крепче. Она хотела позвать Дарта по имени, вот только все согласные померкли на фоне пронзительной и протяжной «а-а-а-а-а». Крик прервался на вдохе и превратился в сдавленный хрип, когда атласный пояс по-змеиному обвился вокруг шеи в удушающем захвате. Связанные руки не могли дотянуться, чтобы помешать этому. Всерьез испугавшись, Офелия заколотила ногами.

Напуганная, она не сразу поняла, откуда этот слепящий свет и что за сила тащит ее наружу. Дарт действовал быстро и решительно: проворными пальцами ослабил петлю на шее и стянул пояс через голову, затем вцепился в рукава повыше тугих узлов и с силой рванул на себя. Ткань затрещала, а следом раздался оглушительный вопль. Офелия была готова поклясться, что он донесся прямо из глубины шкафа.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что случилось и как она очутилась на кровати. Может, всему виной ее кошмары? Офелия пошевелила рукой и заметила на запястье синий обод — след от крепких узлов.

— Это был не сон, — мрачно сказал Дарт. Он сидел на полу у изножья кровати. Взгляд строгий и прожигающий, на губах ни намёка на улыбку. — Ты должна уйти.

Она резко села, отчего голова закружилась.

— Пожалуйста, не прогоняй меня!

— Хозяин не хочет видеть посторонних. — Дарт бросил на нее виноватый взгляд. — Гостеприимство безлюдя недолговечно.

Офелия ахнула. Она считала истории о безлюдях городскими легендами — далекими от истины, приукрашенными воображением. Поговаривали, что заброшенные дома дичали без жильцов, обретали разум и магические свойства. Кто-то называл их заразой на теле города, а кто-то считал отдельным народом с собственными устоями, историей, традициями. В родном Лиме чаще говорили не о безлюдях, а о том, как не допустить их появления. Поэтому Офелия знала о них лишь по рассказам сестры.

— Кажется, безлюдями называют брошенные дома. Но ты же тут живешь.

— Я лютен. Домовой, если угодно. — Дарт приложил два пальца к виску и отсалютовал. — И не живу, а работаю. Раз хозяин больше не согласен терпеть тебя, я вынужден подчиниться.

Ошеломленная, она немо застыла перед ним. Если про безлюдей в Лиме говорили, пусть и неохотно, то про лютенон никто и словом не обмолвился. Тем более о том, что у безлюдя есть человек, беспрекословно выполняющий приказы.

Офелия попыталась убедить Дарта, хотя его хмурый вид не обещал никакого снисхождения.

— Сестра будет искать меня здесь!

— Встречу ее и отправлю, куда надо.

— А если грабители снова придут?

Дарт раздраженно вздохнул, но уже не нашел что возразить.

— Если со мной что-нибудь случится, это будет на твоей совести, — горячо выпалила она, а следом добавила: — И тогда тебе придется иметь дело с моей сестрой.

— Звучит как угроза, — хмыкнул он. — У тебя строгая сестра?

— До жути, — подтвердила Офелия, если преувеличивая, то самую малость. — Лучше не связываться.

Уловка сработала. На его лице появилась блуждающая улыбка, и Дарт согласился поговорить с хозяином. Ждать вердикт пришлось долго, но в итоге Офелия получила от безлюдя разрешение остаться еще на одну ночь. Несмотря на его причуды, он нравился ей больше, чем собственный дом.

Уладив все дела, Дарт отправился на чердак — проверить крышу, прохуdivишуюся после затяжных весенних ливней. Вскоре сверху стали доноситься гулкие удары и странный скрежет. Спасаясь от шума, Офелия сбежала на кухню, куда спустя некоторое время явился чумазый Дарт, похожий на трубочиста или фермера в разгар посева. Он заметно прихрамывал, а Бо сопровождал его, как поводырь.

— Теперь в ремонте нуждаются двое: крыша и я, — заявил Дарт.

— И еще окно.

— Да, ему тоже нездоровится. — Он подхватил со стола графин и залпом выпил всю воду.

Кажется, дела с ремонтом у Дарта совсем не ладилась.

— Может, вызвать кровельщика? — любезно предложила Офелия. — Я знаю одного, он живет сразу за фермами.

— Починю все сам, как только будет подходящий для этого день.

Офелия пожала плечами. Она и не предполагала, что умение чинить крыши могло появляться только в определенные дни. Например, сестра рисовала чудесно в любое время, а вот играть в веревочку не умела никогда — все заканчивалось тем, что Флори запутывала пальцы и с досадой говорила, что вместо колыбели для кошки у нее снова получилось паучье гнездо. Еще полгода назад они устраивали беззаботные игры, а теперь даже не знали,

куда подевались веревочки. Наверно, остались в Лиме или потерялись при переезде.

Пока она размышляла, Дарт напялил поверх рабочей одежды фартук, собираясь заняться ужином. Офелия предложила помощь, но ее вместе с Бо отправили прочь, чтобы не крутились под ногами.

Изгнанные и отверженные, они поднялись по лестнице и обосновались в коридоре, приспособив его длинное вытянутое пространство для игры в мяч. Офелия бросала, Бо мчался следом и возвращался с трофеем. Так повторялось снова и снова, пока мяч не врезался в стену, отколов кусок штукатурки. Дом содрогнулся, словно от землетрясения, и Офелия решила, что с игрой пора заканчивать. Вдвоем с Бо они, как провинившиеся дети, спрятались в спальне и без сил растянулись на прохладном полу.

Витраж в круглом проеме был перевернут ребром, и в комнату проникал свежий воздух, напоенный сладковатым ароматом весенних цветов. Жаль, окно располагалось слишком высоко, чтобы выглянуть на улицу. Оставалось только воображать прекрасный сад и задаваться вопросом, распространяются ли на него правила дома.

За ужином Офелия вновь обнаружила на столе третью тарелку, которая с утра стояла как неприкаянная.

— Мы ждем гостя?

— Все уже в сборе. Ешь.

Офелия упрямо посмотрела на него. Очевидно же, что Дарт нарочно дразнил ее. Не пытался утаить правду, а предлагал догадаться самой.

— Что-то не так? — уточнил он.

— Пустую тарелку обычно ставят для привидений.

Дарт засмеялся — наверно, впервые за день. Вчера он был весельчаком, выдавая порции беспричинного смеха, а сегодня будто копил все в себе, чтобы разом просмеяться.

— Откуда... ты... это... аха-ха-ха... взяла? — едва выдыхая слова, произнес он.

— Там, откуда я родом, все в это верят, — насупившись, ответила Офелия. Она не любила, когда над ней смеются и считают глупой, а Дарт сейчас делал и то, и другое. Вдвойне обидно.

Он еще немного посмеялся — уже не так задорно, но, как бы ни старался, уголки его губ то и дело подрагивали, вот-вот готовые улыбнуться.

— Это не для привидений. Так я проявляю уважение к хозяину.

Когда речь зашла о безлюде, его мимика смогла вылепить серьезную гримасу.

— А разве безлюдям нужна еда?

— Все живые организмы чем-то питаются. Просто у каждого свой рацион.

— И что же ест безлюдь?

Дарт молча кивнул на графин, стоящий между ними. Внутри сосуда с изящным серебряным горлышком дрожала вишневая жидкость.

— Хозяин просил не задавать глупых вопросов, — напомнил Дарт.

Наконец она догадалась, что безлюдь умеет выражать эмоции. И одну — злость — уже пора выучить. Возможно, Дарт именно так и понял, что нужно ставить тарелку для хозяина, как жест, что о нем всегда помнят.

Точно так Офелия накрывала стол на четверых. Пусть родительские тарелки оставались нетронутыми, их присутствие заполняло пустоту на столе. Жаль, что сердцу нельзя помочь тем же.

Больше Дарт ни о чем не говорил. Пришлось принять его правила игры и есть молча, занимая себя мыслями о сестре. Наверно, Флори уже получила письмо и собирается домой. А завтра, да не повернется канал вспять, паром причалит к берегам Пьер-э-Метая. Флори придет сюда, познакомится с Дартом и его безлюдом. Вот она удивится... и, хочется верить, не рассердится, когда увидит, во что превратилась ее ночная сорочка, в которой Офелия, за неимением другой одежды, щеголяла и сейчас.

Вечер прошел за тщетными попытками вернуть сорочке прежний вид. Пара грязных пятен так и не отстиралась до конца, а разорванный рукав не удалось бы зашить незаметно даже самой искусной мастерице, что уж говорить о двенадцатилетней криворучке. Она только руки себе исколола. Теперь ныло все тело: от кончиков пальцев до ступней. Бросив это напрасное занятие, Офелия натянула сорочку с мокрым пятном на боку и поморщилась: холодная ткань неприятно липла к телу, точно слизняк.

Выключив свет, она устало рухнула на кровать, но даже глаза сомкнуть не успела, как услышала что-то подозрительное. Звук был тихий и такой неразборчивый, что сначала казался щекоткой в ушах, а затем в нем прорезался протяжный скрип. Так открывалась дверца шкафа, хотя Дарт точно запирает ее. Вопреки замкам, дубовые створки свободно качались в воздухе, пока не захлопнулись с грохотом, похожим на выстрел. Воспользовавшись моментом, Офелия подскочила к шкафу и дважды провернула ключ. Внутри что-то стукнуло и замолкло. Она облегченно выдохнула и вернулась в постель.

Не прошло и пяти минут, как все повторилось: стук, скрип, распахнутые настежь дверцы и шелест платьев, будто зовущий шепот. Тут уже впору испугаться, а Офелия вместо этого решительно двинулась в наступление. Навалившись на дубовую дверцу плечом, она потянулась за ключом, как вдруг тот вылетел из замочной скважины и саданул ее по руке.

Не дожидаясь, когда шкаф выкинет что похлеще, Офелия бросилась за Дартом. Но его нигде не было, и на крик он не отозвался. Она могла бы постучать к нему, да не знала, какая из десятка дверей в длинном коридоре ей нужна. Входить без спроса в другие комнаты безлюдь не разрешал. Смирившись с правилами, Офелия вернулась и с удивлением обнаружила, что дверь в спальню заперта. Дернула за ручку раз, другой — не поддается. Попробовала толкнуть плечом, но это не принесло ничего, кроме болезненного ушиба.

Стены гулко задрожали, разномастные картины, висевшие над лестницей, тревожно зазвенели стеклами. Звук напомнил о рухнувшем буфете с посудой. Охваченная тревогой, Офелия спряталась на кухне. Вряд ли это могло остановить издевательскую игру безлюдя, зато здесь не было шкафа с живыми платьями и нашелся плед — уже достаточно, чтобы переждать беспокойную ночь.

Мостясь на стуле, Офелия собиралась бодрствовать до самого утра, но вскоре задремала.

Ее разбудил едкий запах гари. Виновник случившегося обнаружился сразу. Дарт швырнул сковороду в раковину и выругался:

— Завтрак отменяется. Эта зараза спалила яичницу.

Осталось неясным, кого обвиняет Дарт: печь или сковороду. Сегодня он выглядел неопрятно и дико, будто только что вернулся домой после долгих скитаний.

Офелия предложила приготовить что-нибудь другое, памятуя, что вчера Дарт показал себя прекрасным поваром. От одних воспоминаний о сырных кренделях ее желудок заурчал.

— Можешь готовить что угодно, — бросил Дарт, усаживаясь за стол. — Я голодный, как стая волков.

Он изобразил звериный оскал. Офелия осторожно выскользнула из-за стола, стараясь держаться подальше от Дарта, и оглядела запасы продуктов на кухне: скисшее молоко, горстка муки и последнее куриное яйцо, уцелевшее после яичницы. Не теряя времени на проверку кладовой, Офелия приготовила омлет. Стряпня выглядела неважно, хотя на вкус получилась сносной.

Уверенности в ней поубавилось, когда Дарт скривился при виде блюда.

— Это рыбы потроха?

Краснея от стыда, Офелия замерла, ожидая, что содержимое тарелки отправится в мусорное ведро. Вместо этого Дарт жадно набросился на завтрак и стал поглощать его с невиданной скоростью.

— А с чего вдруг ты спала тут? — Он ткнул вилкой в воздух.

Офелия испуганно вздрогнула, но столовый прибор не полетел в нее, а продолжил терзать остатки омлета на тарелке.

Услышав историю о громыхающем шкафе и запертых дверях, Дарт захохотал во весь голос, запрокинув голову назад, как будто в ее рассказе и впрямь было что-то забавное. Не в силах больше терпеть его выходки, Офелия сбежала наверх.

Дверь в комнату была открыта, словно запертые замки померещились ей спросонок. На полу, устроившись в гнезде из упавшего одеяла, дремал Бо. Она присела рядом и пробормотала:

— Ты тоже не выносишь такого Дарта?

В ответ пес положил морду ей на колено и блаженно прикрыл глаза, когда ему почесали за ухом. Он так и лежал, пока их не потревожил звонок, прозвучавший как десятки колокольчиков. Бо подорвался, а Офелия поспешила следом, уже зная, кто пришел. Пока они спускались, Дарт открыл дверь.

На пороге, окутанная утренним светом, стояла Флори. В лучах солнца ее темно-русые волосы, собранные в легкую прическу, отливали бронзой. Несмотря на изнурительную дорогу, сестра выглядела великолепно в платье с цветочной вышивкой и коричневой шляпке, сдвинутой на затылок. В руках она держала дорожный чемодан и смятый лист с нарисованной картой, что привела ее сюда.

— Здравствуйте, я ищу свою сестру. — Флори кротко улыbnулась.

Дарт оглядел ее с головы до ног и присвистнул. А потом тягуче произнес:

— О, так вы госпожа... как вас там...

— Флориана, — мягко напомнила она и тут же изменилась в лице от внезапного заявления:

— Стало быть, цветочек? Из какой клумбы пожаловали?

Он снова зашелся в нехорошем, громком смехе. Флори кашлянула.

— А вы, стало быть, Дарт?

— Для вас Даэртон, — бросил он небрежно.

— Очень... приятно, — любезно выдавила она.

— И это я еще одет.

Пытаясь скрыть неловкость, Флори отвела взгляд и заметила Офелию, застывшую на лестнице. Губы сестры тронула слабая улыбка облегчения. Должно быть, письмо сильно встревожило ее. Офелия бросилась к Флори с объятиями и поспешила заверить, что все в порядке.

Их теплое приветствие нарушил нарочито громкий зевок. Дарт, как неблагодарный зритель, был утомлен скучным зрелищем. И откуда в нем столько черствости? Сохраняя удивительную для такого случая вежливость, Флори сказала:

— Спасибо за помощь, господин Даэртон.

— Не стоит благодарности, госпожа... как вас там... Ботаника?

— Ее зовут Флориана. — Офелия повернулась, чтобы смерить Дарта обиженным взглядом. Она столько рассказывала ему о сестре, что он не мог забыть имя. Просто дразнил ради забавы.

— Да-да, именно это я имел в виду, — отмахнулся он и добавил напоследок: — Заходите на чаек в какой-нибудь... никогда.

Не успели сестры что-то ответить, как дверь захлопнулась перед ними, оставляя на пороге в полной растерянности.

— Кажется, нам пора, — заключила Флори.

Офелия поспешила за ней и не сразу осознала, что шлепает по пыльной дороге босиком. Поведение Дарта поразило их обеих: этот несносный грубиян совсем не подходил под описание «доброго и отзывчивого хозяина», каким его представили в письме.

— Не стоило оставаться у него, — рассуждала Флори, шагая впереди. — Постучала бы к соседям или к господину Лаберу, к кому-нибудь, кого мы знаем.

— Ну уж нет. Все в округе сидели по домам, пока я звала на помощь. И только Дарт откликнулся!

После этого сестра должна была проникнуться его героической натурой, но тут ей на глаза попались босые ноги Офелии, и Флори озадачилась вопросом, куда подевалась обувь. Рассказ о грабителях она слушала внимательно, стараясь скрыть тревогу под маской серьезности. Офелия упомянула о падении буфета, позволившем ей сбежать, а вот о том, что дом Дарта — настоящий безлюдь, решила пока умолчать. Лучше выждать время, когда Флори успокоится и согласится навеститься к нему.

Пока в голове Офелии зрел план, они прошли фермерские амбары и добрались до улиц — не таких пустых и безмолвных, как в ночь погони, когда весь квартал притворился спящим и глухим.

Увидев издали знакомую крышу, увенчанную сломанным флюгером, Офелия поежилась от мысли, что скоро вновь окажется там, где едва не погибла.

Дом, унылый и неприглядный, выражал полное безразличие. Входная дверь оказалась наглухо заперта, хотя Офелия впопыхах даже не прикрыла ее, и вряд ли это предусмотрительно сделали грабители. Возможно, они возвращались сюда позже или здесь хозяйничал сквоттер.

Флори открыла замок своим ключом, и сестры вошли, опасливо озираясь по сторонам. Свет в холл почти не попадал, а серая штукатурка на стенах только добавляла комнате туманной мрачности. Когда Флори зажгла лампу, тусклое желтоватое пятно легло на пол, оставив углы темными. Дом встретил их, будто ничего не случилось. Буфет стоял на том же месте, что обычно, в первоначальном виде: стекла и дверцы целы, посуда аккуратно расставлена по полочкам. Офелия растерянно скользнула взглядом по доскам на полу, где должны были остаться следы крови, однако ничего не нашла, словно дом тщательно убрали и отмыли.

Флори осмотрела буфет: провела рукой по дереву, простучала стекла на дверцах, а потом проверила посуду. Ни скола, ни царапинки.

— Ты ничего не напутала? — Сестра старалась сохранить в голосе мягкость, и все же в нем звучала сдержанная строгость, точь-в-точь как у мамы. — Может, это был ночной кошмар?

— Нет! — В доказательство Офелия показала синяки на руках и ногах, не уточняя, что следы на запястьях оставили живые платья. Уж этому Флори точно не поверит. — Спроси у Дарта, он тоже видел грабителей. Они ему окно разбили!

— О, милая, я хочу тебе верить, но... — Сестра попыталась обнять ее.

Офелия обиженно отпрянула:

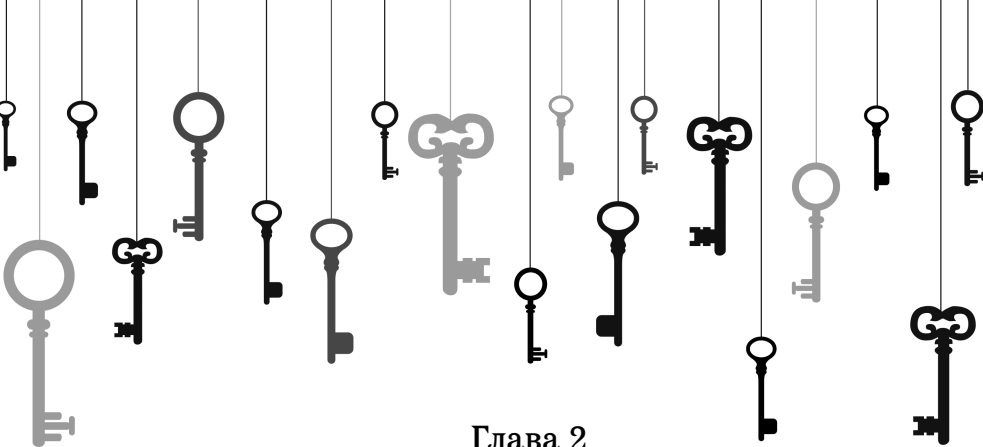
— А если бы Дарт тогда не поверил мне? Моя смерть тебя бы убедила?

Не в силах больше сдерживаться, она заплакала и, утирая хлынувшие к уголкам губ слезы, умчалась на кухню. Вспоминая события той ночи, Офелия толкнула дверь, ведущую на задний двор. Заперто. Даже ее любимая тарелка из глазури, разбитая грабителем, сейчас целехонькая стояла на столе.

Офелия опустилась на пол и зарыдала еще горше. За всхлипами она не услышала шаги за спиной, только почувствовала, как рядом присела сестра. Осторожно, словно боясь обжечься, Флори успокаивающе погладила ее по волосам и прошептала:

— Недоверие значит нелюбовь. А я люблю тебя всем сердцем.

Глава 2

Дом в квартале Опаленных

Ночью Флориане мерещились то шаги на чердаке, то скрип дверных петель. От каждого шороха она тревожно вздрагивала в кровати, долго вглядывалась в полумрак и вставала проверить, как там сестра. Если удавалось задремать, беспокойный разум рисовал уродливые, чудовищные образы: не людей, не животных, а странных существ — они рычали скрипуче, как ржавые петли, и, запертые на чердаке, ходили из угла в угол. Один и тот же сон возвращался всякий раз, когда она закрывала глаза.

Не выдержав, Флориане встала, расправила сбившиеся простыни и решила обойти дом. Ее тревожило, что мотивы грабителей оставались неясны: они ничего не украли и не тронули ни одной вещи. По рассказам Офелии, это были отнюдь не добряки, которые просто ошиблись дверью. Возможно, они искали не что-то, а кого-то. Ведь ее предупреждали, что упрямая борьба за дом в Лиме до добра не доведет...

Гоня прочь дурные мысли, она проверила спальню, коридор и заглянула в комнату к сестре. Офелия крепко спала, положив ладони под щеку и тихонько посапывая. В волнах ее темных волос тонуло перышко из подушки.

Флориана винила себя за то, что бросила сестру в такое сложное время. Дело не терпело отлагательства, и она уехала, как только накопила достаточно денег. Поездка не принесла ничего, кроме разочарования. Ее предложение

обменять семейный дом в Пьер-э-Метале на тот, где они жили прежде, отклонили: *«Городская собственность не наследуется и не может быть обменена на дом чужеземных земель».*

С каждым прошедшим днем ее надежды вернуться в Лим таяли. И сейчас, обойдя весь дом, который даже при свете фонаря выглядел удручающе, Флори заключила, что никто не купит такую развалину.

Убедившись, что все двери и окна заперты, она вернулась наверх и помедлила у хлипкой лестницы, ведущей на чердак. Офелия уверяла, что слышала голоса призраков, обитавших под крышей. Флори не воспринимала игру воображения всерьез, но заглядывать на чердак не желала. Он и безо всяких потусторонних сил был ужасным местом — местом, где погибли родители. Стоило ей подумать об этом, наверху что-то гроыхнуло. Флори вздрогнула и едва не выронила из рук фонарь. Она попыталась убедить себя, что всему виной особенности постройки: раскаленная за день крыша остывала, издавая резкие хлопающие звуки; неправильно сложенная вентиляция гудела от потоков воздуха; а шорох издавали птицы, свившие гнездо на чердаке.

В этом доме всегда было серо и промозгло, точно в осеннем тумане. Флори продрогла и с упоением забралась под теплое одеяло, хотя не надеялась, что уснет.

Всю оставшуюся ночь она провела, размышляя о том, как быть дальше. Она чувствовала себя потерянной и бессильной — с того самого дня, когда пришла весть: их родители погибли, а дом в Лиме полагается немедленно освободить. Отец, Стэнли Гордер, заняв должность главного архитектора, получил жилье от города. Много лет этот уютный дом служил семье. Там сестры провели счастливое детство, и оттуда же их выгнали в момент, когда они сильнее всего нуждались в убежище. В официальных бумагах о выселении указали, что *«Стэнли Гордер по причине внезапной смерти не может продолжать работу в городском управлении архитектуры и пользоваться служебными привилегиями».*

Сестры покинули Лим, и улица Чайных Роз, где они жили, сменилась мрачным видом на квартал Опаленных, названный в честь тех, кто тушил здесь крупный пожар. Давным-давно, в одно засушливое лето, трава вспыхнула, будто от спички. Ветер быстро пригнал огонь с окраин на ближайšie дома. Дядюшка Джо, упокой Хранитель его душу, рассказывал об этом как очевидец.

От печальных мыслей в груди появился стылый комок, будто слезы заледенели и тяжелой глыбой застряли меж ребер. Вот что бывает, если не позволять себе плакать. Флори помнила мамины слова о том, что слезы похожи на морскую воду: щиплют, попадая в глаза, и делают их тусклыми. Мама оказалась права. Флори достаточно посмотреть в зеркало, чтобы убедиться: цвет ее глаз и впрямь потускнел, став как выгоревшая на солнце листва, а на лице еще отчетливее нарисовались веснушки, похожие на ржавчину, словно проступили там, где раньше были слезы.

Да, не стоило ей плакать, поэтому Флори взяла себя в руки и решительно шагнула в новый день.

Утро выдалось солнечным и жарким. В воздухе пахло сладко, будто в него подмешали сахар, и Флори казалось, что пить хочется не из-за быстрого шага, а от вдохов с приторным послевкусием. Она утерла пот со лба и переложила плетеную корзину в другую руку.

Офелия бодро шагала рядом, глаза на дома вокруг и не замечая, как стремительно улица набирает высоту. Прилсы жили на Зеленых холмах, и восхождение от квартала бедняков к роскошным особнякам было символическим.

Сестры договорились не оставаться дома поодиночке и теперь, будто связанные незримыми нитями, следовали друг за другом. Офелия считала это интересной прогулкой, Флори — изматывающей рутинной.

Она преподавала рисование дочери Прилсов и не то чтобы довольствовалась своей работой, просто в нужде выбирать не приходилось. Если ты голоден, то примешь и краюшку хлеба. Среди всех перспектив, поджидающих ее в чужом городе, преподавание было не просто хлебом, а сдобной булкой в глазури, так что Флори не жаловалась.

Дом Прилсов стоял под сенью раскидистых каштанов, унизанных белыми соцветиями. Офелия сказала, что они похожи на большой торт со множеством свечей.

Дверь открыла экономка Долорес — женщина средних лет с пучком рыжих волос на затылке. Ее прическа всегда была одинаково аккуратна: ровный кругляш в невидимых шпильках, прилизанная макушка и ни одной выбившейся пряди. Флори подумывала о том, что именно эта прическа служила основой образа. Экономке с таким безукоризненным порядком на голове можно было доверить в управление целый особняк.

Долорес провела их в гостиную, обставленную бархатными диванами на изогнутых ножках. Впервые оказавшись здесь, Офелия с любопытством озиралась по сторонам, пока на деревянной лестнице, начищенной воском, не раздался стук каблучков, неизменно сопровождающий госпожу Прилс. Ей не было и тридцати, но выглядела она намного старше Флори. Вернее, это Флори казалась нелепым подростком на фоне статной женщины, которая даже дома предпочитала носить шелковые платья до полу и бархатные туфли на каблучке. Светлые волосы она укладывала волнами, по-старомодному, щедро пудрила угловатое, измученно-худое лицо и являла собой образец высокомерной строгости.

— Вы сегодня с сестренкой, Флориана? — Госпожа Прилс оглядела Офелию с тем же нескрываемым любопытством, с каким та изучала интерьер, и заключила: — Похожи как близнецы, только один будто не вырос.

— Возраст дело поправимое, госпожа. — Офелия притворно улыбнулась. — В отличие от чувства юмора.

На лице госпожи Прилс отобразились возмущение наполовину с растерянностью. Она просчиталась, приняв внешнее сходство сестер за сходство характеров. Но Офелия была не по годам остра на язык, в то время как Флори носилась со своей вежливостью, точно квочка.

— Погуляй в саду, детка, — бросила госпожа Прилс и, вновь обретя властную уверенность, обратилась уже к Флори: — Лили ждет наверху.

Флори и самой не терпелось сбежать из гостиной, чтобы приступить к привычным обязанностям. Однако сегодняшнее занятие давалось ей тяжело — сказались бессонная ночь и дурное настроение. У Лили тоже выдался непростой день. Она злилась, что набросок не получается, и в конце концов сдалась, швырнув карандаш на стол.

— Лора, мне скучно!

Флори не возражала, что ученица коверкает ее имя, пока не узнала, что является не единственной Лорой в доме. Среди ее тезок были фарфоровая кукла, рыбка в аквариуме и карликовая собачка, которая умела танцевать на задних лапках, выклянчивая печенье. Так что у Лили подобралась довольно занятная компания для развлечений.

Флориана мягко поправила ее и проговорила свое имя по слогам. Лили капризно надула губы и сжала кулачки. Как любой избалованный ребенок, она не любила, когда ей кто-то перечит.

— Ты сегодня скучная и строгая, как этот карандаш.

Она потрогала пальчиком слом грифеля, а Флори тоскливо подумала, что именно так себя и чувствует: брошенной, надломленной, уязвимой. Ей хотелось спрятаться в ящике стола, чтобы никто не нашел.

После занятия Флори отправилась на поиски сестры. По мощеной дорожке, петляющей между цветущими кустарниками, прошла в глубину сада, откуда доносился чей-то плач. Вскоре она увидела, что за драма разгорелась в тени каштанов: Офелия растерянно вертела головой,

явно пытаюсь сообразить, как успокоить рыдающего Бенджамина — младшего из Прилсов.

— Тебя что-то напугало, малыш? — обеспокоенно спросила Флори и присела рядом, чтобы оказаться на одном уровне с Беном. Большие прозрачно-голубые глаза, блестящие от слез, словно были нарисованы акварелью на белом, почти бумажном лице.

— Садовики-и-и... — проныл он, тыча пальцем куда-то в сторону зеленой изгороди, разделяющей сад.

— Не нужно их бояться, они добрые.

Бен шмыгнул носом и осторожно переспросил:

— Садовики-добрязки?

Не успела Флори ответить, как на них коршуном налетела нянька, подхватила Бена, будто птенца, выпавшего из гнезда, и утащила в дом. Бедняжка испугалась выговора за то, что недоглядела за малышом, и даже словом не обмолвилась.

Сестры переглянулись и, не сговариваясь, поспешили прочь. Едва оказавшись за пределами двора, Офелия попыталась оправдаться:

— Он сам попросил рассказать сказку. Откуда ж мне было знать, что его испугают садовики?

— И кто это?

— Ну... как лесовики, только в саду.

— А я подумала, что это какие-нибудь огромные жуки с челюстями мощнее секатора, — подыграла Флори и засмеялась, когда Офелия недовольно скривилась.

Фантазии младшей сестры были безудержны и неукротимы. Подобно волне, они накрывали всех, до кого могли дотянуться, и, сталкиваясь с нерушимой скалой реальности, возвращались обратно, вызывая волнение в ней самой.

Пытаясь увести разговор подальше от мерзких насекомых, Офелия сказала:

— У меня есть сказка поинтереснее. — И, хитро улыбнувшись, прошептала: — О живых домах.

А потом она поведала о Дарте, его безлуде и службе лютеном. Пояснение, кто такие лютены, было лишним.

Флори читала о зрителях, домашних, безлюдских слугах — в литературе их называли по-разному, что вызывало путаницу. Если безлюди считались малоизученным феноменом, то лютенов в некоторых источниках и вовсе называли выдуманными персонажами. И Флори охотно могла поверить этому, поскольку в Лиме домашних к службе не привлекали. Слушая сестру, она не подала виду, что заинтересовалась, и лишь пожала плечами. Одно дело — с упоением читать об исследованиях, и совсем другое — столкнуться с настоящим безлюдом и его лютеном.

Офелия расстроилась, что ее рассказ не произвел должного впечатления, и больше не проронила ни слова.

Цветущие улочки постепенно сменились бурлящим котлом местного рынка. Торговцы спешили расстаться с товаром, громко зазывая покупателей. Глупый народ, точно стайка рыб, привлеченная наживкой, крутился вокруг прилавков, споря и бранясь в толчее.

Миновав главную площадь, сестры прошли душистые овощные и бакалейные лавки и смрадные от жары лотки с рыбой, обогнули деревянные столики антикваров, торгующих всяким хламом, и наконец оказались на самом краю рынка, где еще оставалось свободное местечко. Они примостились у края прилавка, рядом с хмурой торговкой чахлыми саженцами, которая взглянула на них так, будто яркие картины и праздничные кружевные салфетки оскорбили ее траур по увядшим растениям.

Обычно Флори продавала свои рисунки в деревянных рамках, а в этот раз не успела забрать их у господина Лабера — плотника, живущего неподалеку. Офелия натакала камешки и прижала тонкую акварельную бумагу, чтобы ветер не унес.

Вскоре прилавок облепила целая стая зевак, и ушлая торговка саженцами с ловкостью заядлого рыбака выловила пару покупателей для себя. «Зачем любоваться нарисованными цветами, если можно наслаждаться живыми? — заискивающе вопрошала торговка, хватая за руки и заглядывая в глаза. — Эти цветы пахнут краской, а мои

петунии — медовой сладостью». Кто-то попадался на ее удочку и отворачивался от картин и вышивок, вдруг озаренный идеей купить горсть земли с поникшим цветком.

Им все-таки удалось продать немного, но даже скромная сумма была хорошим подспорьем после того, как все сбережения Флори истратила на поездку в Лим.

Монеты успокаивающе звенели в кармане, обещая несколько дней сытой жизни. Когда сестры отправились за покупками, рынок стал редеть и расходиться. Тем лучше, ведь в конце торгового дня многое отдавали почти даром: хлеб, овощи и фрукты. Они набрали полную корзинку и даже умудрились обменять картину на несколько пригоршней крупы.

Очередь в пекарню гудела от голосов: городские делились сплетнями. Фермеры жаловались на загубленные посевы пшеницы, и все как один винили в этом безлюдей, распространявших сырость и плесень по всей округе. Жителям явно не нравилось столь опасное соседство.

В Пьер-э-Метале редко обсуждали безлюдей, словно надеялись, что благодаря всеобщему молчанию те перестанут существовать. Как безобразные нарывы на теле города, они вызывали у многих отвращение, их боялись и обходили стороной. О безлюдях вспоминали лишь в тяжелые времена, когда несчастья и горести обрушивались на местных жителей. И вспоминали затем, чтобы сделать их виновниками всех бед.

Флори стиснула зубы при мысли, что ненавидит этот город: грубый, как наждачный камень, и холодный, как металл. За полгода, проведенные здесь, она не стала для Пьер-э-Метале «своей»: убеждения местных не прижились в ее голове, безучастное равнодушие не вытравило из нее отзывчивость и дружелюбие, свойственное южанам, а надуманные слухи не превратили безлюдей в кошмар.

В ее родном Лиме их воспринимали как особую организацию жизни, имеющую право на существование. С одной стороны, безлюди были зданиями, а потому представляли интерес для градостроителей, архитекторов

и управленцев; с другой — считались живыми организмами. Пусть брошенными, дикими и порой опасными, но *живыми*. Их популяцию следовало контролировать, а не убивать или ненавидеть. Безлюди нуждались в присмотре и заботе, как бродячие псы. Так считали южане.

Флори раздумывала о безлюдях и позже, занятая домашними хлопотами, которые странным образом ее успокаивали. Пока тесто для пирогов подходило, она прилегла отдохнуть. Бессонная ночь напомнила о себе слабостью в теле и головной болью. Флори и сама не заметила, как уснула, а очнулась уже в темной комнате, когда первые сумерки сгустили краски дома до темно-серых оттенков. Она сползла с кровати, еще толком не проснувшись, и побрела вниз.

Ванная комната располагалась под лестницей — там, где обычно устраивают чулан. В этой камерке умещалась только небольшая посуда с лейкой, раковина и крохотное зеркало. Вместо окна были две круглые дырки в стене, а за ней — вентиляционный канал. Из-за постоянной сырости в комнате то и дело появлялась плесень, и приходилось подолгу выводить ее нашатырным спиртом, от чего запах становился совсем невыносимым.

Флори пыталась преобразить фамильный дом: следила за чистотой и порядком, застелила кухонный стол длинной скатертью с вышивкой, перекрасила старую мебель и разрисовала стены в спальнях, чтобы добавить красок унылым комнатам. Она изо всех сил пыталась полюбить этот дом, да так и не смогла.

На старой кухне, пышущей жаром печи, к ней присоединилась Офелия, и в четыре руки дело пошло быстро. Флори едва успевала раскатывать тесто.

— Пока ты спала, на чердаке опять кто-то ходил, — внезапно сказала Офелия, и вся идиллия рассыпалась в тот же миг.

— Наверно, мыши. — Флори небрежно пожала плечами.

— А мыши разве умеют разговаривать?

Чувствуя, как по спине ползут мурашки, она едва выдохнула:

— Что ты слышала?

— Свое имя. Кажется, меня звал папа.

Флори напугали откровения сестры: скверны их дела, если на чердаке и впрямь кто-то ходил; но если там никого не было — это еще хуже. Значит, Офелия до сих пор не смогла принять действительность и верит, что в доме живут призраки родителей. Вероятно, ночное вторжение грабителей расшатало ее неокрепшую психику, и следует возобновить походы к врачу.

Флори мягко улыбнулась, стараясь не выглядеть строгой:

— Фе, жизнь — не сборник сказок, чтобы верить в небывальщину.

— Но и не учебник, где все правильно и понятно.

Офелия всегда рассуждала серьезно, но, потеряв родителей, резко повзрослела и обрела какую-то особую мудрость, словно получила ее в наследство. В то время как Флори чувствовала себя беспомощным ребенком, нуждающимся в защите. Оттого разногласия между сестрами были неизбежны.

Только Флори придумала, что сказать, как дом сотрясся от дикого шума, раздавшегося откуда-то снизу, из подвала. Офелия подскочила от испуга, задела кружку на краю стола, и та упала на пол, расколовшись надвое. Из-под досок эхом донеслись звуки: шаркающие и звенящие, глухие и скрипучие. В подвале кто-то ходил и мог без труда выбраться через лаз в полу. Задвижка на нем, как и многое в доме, была сломана, и чтобы остановить незваного гостя, следовало прижать люк чем-нибудь тяжелым.

Сестры принялись отчаянно толкать обеденный стол, но едва сдвинули его с места, как в люк ударили снизу. Поняв, что поздно возводить баррикады, Флори схватила скалку — первое, что попало под руку, и застыла в ожидании. Когда крышка люка громыхнула и откинулась,

Офелия вдруг заверещала: «Сто-о-о-ой!» — и оттолкнула Флори. Она устояла на ногах, но момент упустила.

Из-под пола выглянул Дарт — такой удивленный и растерянный, будто это к нему пожаловали незваные гости. Несколько мгновений они таращились друг на друга, потом Дарт пробормотал:

— Ну и ну...

— Проваливай отсюда, иначе не поздоровится! — пригрозила Флори, потрясая скалкой в воздухе.

— Да я и так кашляю. — Он сделал показное «кхе-кхе» и тут же придал лицу более серьезное выражение, подходящее для переговоров. — Не нужно распускать... скалку. Я не злодей.

Офелия согласно закивала, но даже вдвоем им не удалось убедить Флори. Она крепче сжала «оружие» и напрыглась точно пружина, готовая разжаться в любой момент.

— Фе, беги к соседям. Пусть вызовут следящих. Скажи, что у нас в подвале грабитель.

— Минуточку, — вмешался Дарт, многозначительно воздев указательный палец к потолку. — Что за выводы? Дай хотя бы объясниться.

Флори нервно дернула плечом и... уступила. Пусть Дарт болтает, пока она думает, как действовать дальше. Получив дозволение, он изобразил вежливый жест, сняв с головы невидимую шляпу.

— Не думал, что попаду к вам. На двери не написано.

— Нет там никакой двери, лжец! — выпалила Флори.

— А вот и есть. Просто спрятана за полками. Пришлось их повредить, но я все починю. — Он скорчил виноватую гримасу. — Дело в том, что безлюдь связаны подземными ходами, и один привел меня сюда.

— И что с того?

Дарт поджал губы и, выдержав театральную паузу, заявил:

— Дамы, у меня для вас плохие новости. Кажется, вы живете в безлюдье.

От шока у Флори застучало в висках, точно беспокойным мыслям стало тесно в голове.

— Это невозможно. В безлюдях никто не живет.

— Так-то уж никто? — хмыкнул Дарт, и на его лице вновь появилась эта противная ухмылочка. Никогда прежде Флори не испытывала столь острого желания огреть кого-нибудь по голове.

— Может, объяснишь нормально вместо того, чтобы умничать?

— Может, позволишь мне сесть, чтобы я нормально объяснил? — предложил Дарт, все еще балансируя на подвальной лестнице.

Флори не доверяла ему и предпочла бы держаться по-дальше, однако желание во всем разобраться перевесило. С их домом действительно происходило что-то неладное: шаги на чердаке, голоса, грабители, ничего не укравшие... Возможно, Дарт мог пролить свет на эти события.

Он выбрался из подвала, по-прежнему находясь под прицелом скалки, и поднял руки, как будто собирался сдаваться в плен. Выглядел он весьма странно: на нем были короткие серые штаны и хлопковая рубаша с расстегнутым воротом. На шее висела всякая дребедень — цепочки, нити, деревянные бусы, кожаные шнурки с маленькими ключами, наперстком и серебряными кулонами. Его нынешний облик разрушал все представления Флори о нем. Из грубого мужлана Дарт вдруг превратился в юнца, который, видимо, рос так быстро, что в одночасье штаны стали ему коротки. В таком обличье он совсем не вызывал опасения.

Они сели за стол: сестры с одной стороны, Дарт — напротив. Флори наконец отпустила скалку и размяла пальцы.

— Итак, — деловито начал Дарт, — вы живете здесь полгода. А что было с домом до вашего приезда?

Офелия оказалась словоохотливее и выложила всю историю.

Фамильный дом построил их прадед, и с тех пор наследие передавалось от отца к сыну. Поколение за поко-

лением хозяевами здесь были мужчины, а после смерти одинокого дяди Джо дом перешел к Тейле Гордер — их матери. Она считала своим долгом позаботиться о семейном имении, пусть и не собиралась возвращаться в Пьер-э-Металь. Вскоре решение нашлось, и они наняли сторожа. Отец отправлял жалованье, а в ответ получал складный рассказ: весной сторож сажал на участке вишневые деревья, летом сражался с ежевикой, разросшейся на заднем дворе, а осенью сетовал на ураганный ветер, повредивший кровлю, которая после зимы совсем прохудилась. Потом все начиналось по кругу, проблемы сменяли одна другую как сезоны. Без крепкой хозяйской руки дом ветшал. И однажды весной, оставив дела, семейство приехало в Пьер-э-Металь, но вместо вишневого сада и залатанной крыши застало лишь разруху и запустение. Сторож исчез с деньгами, что успел вытрясти из доверчивых владельцев. В таком месте не то что жить, а переночевать было невозможно, и они, не успев перенести чемоданы через порог, повернули обратно.

Тейлу Гордер тревожило, что семейное имение, столько лет процветавшее до нее, теперь медленно превращалось в руины. Она не могла смириться с этим и осенью, воодушевленная идеями, решила снова отправиться в Пьер-э-Металь.

Уезжая, родители обещали вернуться через пару недель, но раньше них в Лим пришла страшная весть. Смерть четы Гордер расколола семью пополам. Флори и Офелия стали «сиротами Гордер» и, лишившись служебных привилегий отца, были вынуждены переехать в фамильный дом, простоявший в запустении почти три года.

К концу рассказа Офелия хлопала носом и вытирала слезы рукавом, а Флори вдруг обнаружила, что слишком крепко сжала пальцы, впившись ногтями в ладони.

— Что ж, трех лет для безлюдя более чем достаточно, — заключил Дарт. Мрачное лицо выдавало, что история его тронула, однако он не нашел уместных слов, чтобы

выразить сочувствие. — И раз все намекает на появление нового безлюдя, без домографа здесь не обойтись.

У Флорианы дрогнуло сердце. Когда-то она мечтала об этой профессии, да отец не позволил, считая, что изучение безлюдей — неблагодарный труд. Откуда коренному жителю Лима, не поднимающему головы от чертежного стола, было знать, что в других городах все иначе. И пусть Флори подчинилась воле отца, она чувствовала щемящую тоску каждый раз, когда слышала о домографах — ученых, чей предмет интереса находился на стыке архитектуры и биологии; людях, которые разбирались в том, что другим казалось непостижимым. До сих пор это вызывало у нее благоговейный трепет.

— Пусть дом осмотрят. Безлюдя разные, и пока никто не знает о нем, — Дарт обвел взглядом кухню, — вам лучше не оставаться здесь.

— Это опасно? — ахнула Офелия.

— Раньше времени бояться не стоит, — успокоил он. — И все-таки лучше не рисковать.

Офелия согласно закивала, поддерживая его даже после того, как он выставил их вдвоем за порог своего дома. Флори бросила недоверчивый взгляд на Дарта, правдоподобно отыгрывающего роль заботливого простачка.

— Если ты уверяешь, что это безлюдь, — начала она с вызовом, — объясни тогда, почему у нас нет лютена? По твоим же словам, местным безлюдям нужен посредник для связи с внешним миром.

К Дарту вернулась его самодовольная усмешка.

— Некоторые обходятся без помощников, а случается и так, что безлюдя выбирают их слишком долго. Возможно, безлюдь воспринимает вас слугами и когда-нибудь заявит об этом. Ну и наконец, лютен может быть уже здесь, вы просто его не замечаете.

От последнего предположения сестры пришли в ужас и, переглянувшись, поняли чувства друг друга без слов. Что если шаги и голос на чердаке принадлежали лютену? Что если все это время рядом с ними жил кто-то чужой?

— Можем осмотреть дом сейчас, — предложил Дарт.

Флори отказалась, поскольку не хотела принимать помощь от незнакомого человека. Ее тревожила навязчивость Дарта, ибо она чувствовала в его поведении какой-то подвох. Что-то странное, неуловимое, вызывающее беспокойство. Намного безопаснее, думала она, попроситься на ночлег к господину Лаберу.

— Спасибо, это чересчур. Мы сами можем позаботиться о себе, — заявила Флори и одним взглядом дала понять, что ее не переубедить.

Дарт пожал плечами. Никого уговаривать он не собирался. Во всяком случае, небрежный жест говорил о том, что отказ его ничуть не расстроил.

— Помощь домографа тоже «чересчур»? — уточнил он и лукаво ухмыльнулся, когда Флори ответила, что домограф может прийти.

Офелия смотрела на нее с обидой и укором — вот уж кто был готов сбежать отсюда немедленно. Она попыталась запугать Флори тем, что дом действительно опасен.

— Фе, мы живем здесь полгода, и ничего не случилось.

— А грабители — это, по-твоему, ничего? Или раз тебя здесь не было, то не считается?! — огрызнулась сестра.

— Да когда ты поймешь, что... — Она не успела договорить, потому что вмешался Дарт:

— Дамы, я прошу прощения, но, кажется, у вас что-то сторело.

Флори ахнула и вскочила из-за стола, вспомнив о выпечке на огне. Пирог уже сторел и стал похож на ломкие куски углистого сланца. Столько продуктов пропало, и все из-за Дарта, будь он неладен! Вне себя от злости, она обернулась, готовая высказать ему все, что думает... и растерянно застыла. Дарт исчез. Стук, раздавшийся из подвала, выдал беглеца. Прощаться он, очевидно, не умел.

Флори метнулась к люку и, заглянув в черноту подвала, смело вскочила на лестницу. Если бы не Офелия, подоспевшая с фонарем, она бы последовала в кромешную

тью. Нужно запереть дверь в подвале, чтобы больше никто не смог вот так бесцеремонно заявиться к ним.

Каменные стены в подвале дышали стылдой сыростью. Выставив фонарь перед собой, Флори сделала пару неуверенных шагов вперед и остановилась, когда под ногами захрустело битое стекло. Темно-красные лужи, напоминавшие кровь, оказались разлитым вином, что с давних лет хранилось в бутылках. Она прошла дальше, минуя упавшие полки, и остановилась перед дверью: кривой и грубо сколоченной из досок. За ней скрывался тоннель, из глубины которого слышался тихий гул, будто коридор был дымоходом, где завывал ветер, и тянуло из него чем-то горьким.

Флори захлопнула дверь, не решившись идти дальше. Мало ли куда на самом деле вел этот подземный ход и какие ужасы таил. Может, Дарт хотел заманить их сюда? Пугающее подозрение заставило ее действовать.

Спотыкаясь об уцелевшие бутылки и пачкая подола платья в лужах вина, Флори разобрала завалы, нашла крепкую доску и сообразила из нее что-то вроде подпорки. Видимо, саму дверь сделали наспех и не позаботились о ее надежности.

Когда Флори вернулась, вместе с сестрой они закрыли люк, приколотили деревяшку к полу, чтобы получилась задвижка, а сверху еще взгромодили сундук с обувью. К тому времени они окончательно вымотались, а им еще предстояла муторная уборка на кухне.

После долгих споров сестры договорились, что пойдут на ночлег к господину Лаберу, живущему неподалеку. Во всем Пьер-э-Метале не было людей гостеприимнее, чем его семья. Каждый раз, когда Флори приходила за рамами для картин, госпожа Лабер норовила усадить ее за стол или передать угощение Офелии, а старший сын Райт вызывался помочь, чтобы донести несколько реек до дома.

Наскоро собирая дорожный чемодан, Флори сложила пару сменной одежды для двоих, конверт с документами

и художественные принадлежности. Она как раз укладывала последние вещи, когда в доме что-то громыхнуло.

— Слышала? — ахнула Офелия.

Флори наказала сестре оставаться здесь, а сама отправилась проверить дом. Крадучись прошла по коридору и, определив, что звук доносится из кухни, спустилась на первый этаж. По пути зажгла все лампы, хотя не надеялась, что свет защитит ее.

Полы на кухне сотрясались от череды мощных ударов. Кто-то неистово рвался наружу. Если бы не сундук, люк не выдержал бы такого напора. Флориане почудился слабый полустон, похожий на завывание ветра, — южане называли это «хором призраков». Следующие несколько ударов оказались такой силы, что деревянные полы заходили ходуном, будто перекладыны подвесного моста. Мусорное ведро опрокинулось, вывернув все содержимое. Кружка, выпавшая вслед за кусками горелого теста, со звоном покатила к ногам Флори, — целая и невредимая, будто расколотые части срослись между собой. Это невозможно. Она попятилась к выходу и, когда из подвала снова раздался шум, уже без раздумий бросилась за сестрой.

Лестница шаталась под ногами, доски скрипели, куски побелки осыпались с потолка. В коридоре Флори едва не столкнулась с Офелией. Белая как мел, она торопилась сбежать из дома и уже сделала бы это, если бы не тяжелый чемодан. Флори перехватила ношу и поторопила сестру, пропустив вперед, чтобы не терять ее из виду.

Мерещилось, будто звук доносится уже откуда-то сверху, а потом опять снизу... или совсем рядом. Свет то почти затухал, то слепящей вспышкой появлялся вновь. Когда дом резко качнулся, Флори упала на колени, чудом успев схватиться за перила, чтобы не последовать за чемоданом, который с глухим стуком запрыгал по ступеням. Офелия помогла ей подняться и доковылять к выходу. Впопыхах они едва не забыли свои вещи. Флори пришлось возвращаться, и дом на прощанье чуть не пришиб ее две-

рью. Замки клацнули за спиной, точно зубы в пасти чудовища. Пути назад не было.

Растерянные и онемевшие от испуга, они зашагали по улице, почти ничего не видя вокруг. Черной бездной перед ними разверзлась городская окраина с ее полями и пустошами, ветхими лачугами и фермерскими бараками.

От сбившегося дыхания в груди засвербело, точно легкие вдруг поросли колючками, и Флори поморщилась, пытаясь угнаться за бойкой сестрой. Чемодан вдруг стал невыносимо тяжелым. Вот уж где пригодилась бы помощь носильщика Райта. Подумав о нем, она обернулась на дом господина Лабера и с сожалением признала, что туда идти нельзя. Примерные и дотошные в своей помощи, Лаберы непременно вызовут следящих и сделают только хуже. Пришлось признать, что Дарт — единственный, к кому они могут попроситься на ночлег. Он не станет задавать лишних вопросов и вызывать стражей правопорядка, что уже доказал своим молчанием ранее.

Вокруг клубилась тьма, и небо без луны и звезд, проглоченных тучами, казалось непроницаемым, пока его не расчертили всполохи молний. Спасаясь от надвигающейся грозы, сестры ускорили шаг, почти побежали, но дождь настиг их у пшеничного поля, хлынув резко, будто поток воды из опрокинутого ведра.

Нет, этот город определенно издевался над ними...

Хлесткие капли били по лицу, стекая за вороты платьев, ноги увязали в размякшей земле. Вспышки молний стали такими частыми, что уже напоминали мигающие лампочки, а гром зазвучал точь-в-точь как шум из подвала. На миг Флори показалось, что она очутилась в доме и переживает этот ужас заново.

Наконец сквозь пелену дождя показался безлюдь с парой тускло горящих, точно глаза, окон. Уставшие и насквозь промокшие, сестры постучали в дверь, и та медленно распахнулась. За ней никого не было. Они осторожно переступили порог и застыли, не решаясь пройти дальше.

Флори оглядела просторный холл, с волнением осознавая, где находится. Она всегда мечтала исследовать безлюдней, но никак не ожидала познакомиться с одним из них при таких обстоятельствах. Беспокойно ощупывая пространство, ее взор наткнулся на фигуру, возникшую на лестнице. Дарт выражал собою сплошное удивление: взъерошенный, закутанный в одеяло и, очевидно, только что вылезший из постели.

— О, дамы, какими судьбами?

— С нашим домом творится... — путано начала Офелия.

— ...что-то очень странное, — завершила Флори.

— Так-так, а если поподробнее?

Со всей присущей ей любезностью Флори спросила:

— Можно для начала переодеться?

— А чем вас не устраивает мой наряд? — хохотнул Дарт в одеяле.

— Я имела в виду нас, — заметила она. — На улице дождь, мы до нитки промокли.

Он прищурился, внимательно изучая их. Грязь на ногах, прилипшие к телам платья, мокрые волосы... Дарт попытожил:

— И вправду до нитки. Что ж, тогда можете воспользоваться ванной. Правда, со сменной одеждой проблемы, у нас разный стиль.

Дарт спустился, шлепая босиком по ступенькам. Край одеяла шлейфом волочился за ним.

— Мы взяли одежду с собой, — бросила вслед Флори.

— О, так вы к нам надолго? — крикнул он уже из кухни.

Флори было открыла рот, чтобы ответить, но Офелия схватила ее за руку, увлекая за собой. Они поднялись по лестнице и нырнули в ванную комнату, полную нагретого воздуха и запаха мыла. Офелия действовала уверенно и непринужденно, почти по-хозяйски.

— Я смотрю, ты неплохо ориентируешься здесь, — ехидно заметила Флори.

- Не будь колючкой.
- От колючки слышу.

Сестры переоделись, а промокшие платья оставили сушиться. Они провозились так долго, что Дарт утомился ждать и завалился на стол, подперев голову рукой.

— Чай остыл, — с досадой сказал он, жестом приглашая их сесть, а потом с сарказмом добавил: — С удовольствием выслушаю рассказ о том, как вы были ко мне несправедливы.

Флори уловила его хитрый взор и поняла, что Дарт обращался к ней, но отвлекаться на извинения не стала.

- Кто-то пытался проникнуть в дом через подвал.

Дарт присвистнул, очевидно, выражая свое удивление:

- Ты уверена, что кто-то был там?

— Совершенно точно! — поддакнула Офелия, желая поучаствовать в разговоре.

- Кто-то нашел тот же ход.

— Это вряд ли... — нахмурился Дарт. — Разве что кто-то из лютенов... Хотя никто не стал бы ломиться в закрытые люки. У нас так не принято.

- Но ты же так делал!

— Я не считаю, — отмахнулся Дарт, и Флори не поняла, говорит ли он всерьез или лукавит. В любом случае объяснение звучало неубедительно.

Затем сестры, перебивая друг друга, рассказали о том, как дом взбесился и им еле удалось выбраться оттуда невредимыми.

— Знаете что, дамы, — заявил Дарт, вальяжно откинувшись на спинку стула. — Предлагаю решать вопросы на свежую голову. Допивайте свой чай и отправляйтесь спать. А утром подумаем, что с этим делать.

Флори не любила неопределенность, но спорить не стала. После сложного дня она не могла мыслить здраво — возможно, именно потому и оказалась здесь.

Воспользовавшись паузой, Офелия спросила, куда поехался Бо. Оказалось, пес боится грозы и прячется под кроватью. Эта история позабавила Флори, и она неволь-

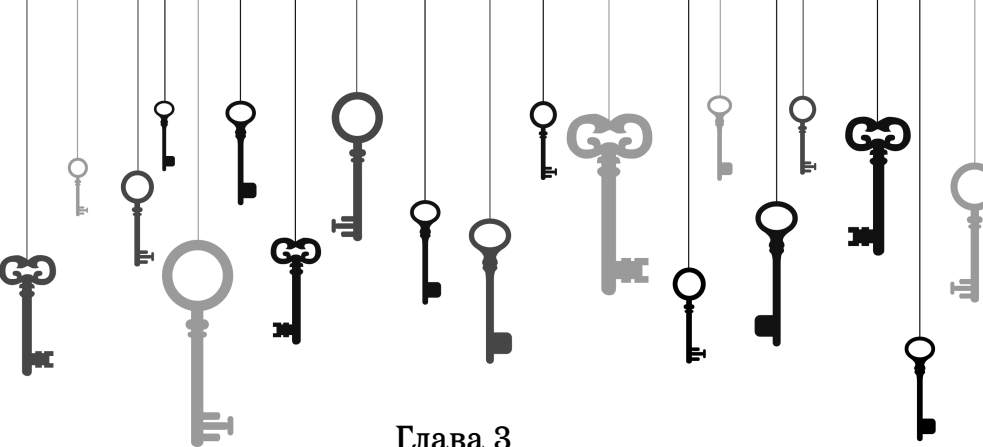
но начала улыбаться рассказчику. Стоило расслабиться, как мысли сами потянулись к Дарту и словно бы изменили его: взгляд смягчился, из ухмылки получилась добрая улыбка, а приятный голос подействовал успокаивающе. С трудом Флори избавилась от этого наваждения и сосредоточилась на чашке чая. Внезапно Дарт замолчал, как будто почувствовал, что его чары больше не действуют.

— Вы уж простите, я пойду спать, — сказал он зевая, а затем повернулся к Офелии: — Поделишься комнатой с сестрой?

Та смущенно улыбнулась в ответ и кивнула. Дарт подмигнул и выскочил из-за стола. В спешке он наступил на угол одеяла, споткнулся, кое-как устоял и поплелся прочь, напоминая облако, плывущее по темному небу.

Но какой бы располагающий вид он ни принимал, в мыслях Флори появилась червоточина сомнений и страхов. Чужой город, чужой дом и незнакомый человек. Можно ли так наивно доверять всему? «Нет», — с настойчивостью убеждала судьба, и Флори соглашалась. Однажды она поверила следящим и едва не поплатилась за свою беспечность. Это позволило ей раз и навсегда запомнить: лучшая защита от зла — замечать его прежде, чем пострадешь.

Глава 3

Свой чужой дом

Ежась от утренней прохлады, Офелия закуталась в одеяло и вдруг обнаружила, что сестры нет рядом. Сон тут же развеялся, и она побежала искать Флори. Обнаружить ее оказалось проще простого: с кухни доносились запахи свежесваренного чая и сливочного масла. Старшая сестра пекла тонкие кружевные блинчики, щедро сдабривая их сахаром. Офелия спросила, откуда Флори взяла продукты. Нашла в кладовой — там, где и положено хранить продовольствие. Офелия указала на неприметную дверцу в углу и строго сказала:

— А тебе разрешили туда входить?

— Я и не спрашивала. — Флори пожала плечами, а потом с ухмылкой добавила: — А кто-то против?

Стало быть, правила дома Дарт просто выдумал. Иначе почему Флори бродит, где хочет, а ей нельзя и шагу ступить без разрешения? Офелия насупилась. Старшая сестра тут же придумала ей задание и поручила расставить посуду к завтраку.

Когда Бо с громким лаем выскочил из-под стола, Офелия от испуга чуть не выронила тарелку. Пес стрелой пролетел мимо и закрутился вокруг хозяина. Сегодня Дарт снова был каким-то другим, разлинованным и клетчатым одновременно: из-под полосатого халата виднелись пестрые пижамные штаны. Образ завершали карандаш за ухом и мятые листы бумаги, торчащие из кармана. В та-

ком виде Дарт изобразил что-то вроде приветственного поклона, рассеянно потрепал Бо за ухо, а потом побрел к окну, огибая стол и протискиваясь между стеной и стулом. Он был искусным притворщиком, и если Флори это настораживало, то у Офелии вызывало восторженный интерес.

Дарт забрался на подоконник, чтобы разглядывать зеленую изгородь. Всем своим видом он показывал безразличие к тому, что творится на кухне, и от завтрака отказался. Флори фыркнула, очевидно, приняв отказ за личное оскорбление.

— В этом доме всегда снятся кошмары? — спросила она придиричиво.

— Не знаю. Мне вообще ничего не снится, — ответил Дарт и возвратился к созерцанию вида за окном.

— Мне всю ночь мерещились какие-то звуки... — продолжала Флори обеспокоенно. Офелия ничуть не удивилась. Просто безлюдь испытывал новую гостью, и даже хорошо, что она не попала в ловушку живых платьев из шкафа.

— Это из-за грозы. — Дарт даже не повернулся к ним и будто бы говорил с окном. Прислонившись головой к стеклу, он забормотал: — Ночью небеса плакали и метал грозные взгляды на город, а тот безропотно пережидал непогоду. И только они вдвоем — небо и город — знали причину этой грозы...

Распевный голос Дарта смолк. Послезвучие слов повисло в воздухе и медленно угасло, поглощенное стенами. От его дыхания на стекле проступило и тут же стало таять запотевшее пятно.

— Это надо записать... — Дарт зашуршал бумагой в кармане, а затем слово в слово повторил прозаический этюд, пока водил карандашом по измятым листам.

Тем временем Флори задумчиво оглядывала помещение, словно искала подходящий повод, чтобы снова заговорить. Ее внимание привлекла дверь в углу — та самая, что осталась загадкой для Офелии. Наверняка сестра

пыталась заглянуть и в эту комнату, пока хозяйничала на кухне.

— А что за той дверью?

— Проверь. — Дарт с небрежностью махнул рукой, роняя с колен листы.

— Она заперта.

— Почему?

— Тебе, наверно, лучше знать. — Флори пожала плечами. Она не любила глупые загадки, оскорблявшие ее острый, пытливый ум.

— Я уже и забыл, когда заходил туда.

— Судя по планировке, это столовая, — предположила Офелия, изучившая столько папиных чертежей, что могла бы ориентироваться в любом здании.

— Да. Точно. Все время забываю о ней. Когда живешь один, столовая ни к чему. — Дарт вздохнул, словно истина внезапно открылась и опечалила его, а затем устремил трагический взгляд куда-то сквозь стену. — Большие пространства не прощают одиночества. — Его взгляд переметнулся к ним. — Как вам? Надо бы записать, да?

Не дождавшись ответа, Дарт спрыгнул с подоконника, чтобы поднять оброненные листы, и устроился прямо на полу, записывая очередную мысль. В творческом порыве он и не заметил, как сестры выскользнули из кухни, чтобы не мешать.

— Я же говорила, что он каждый день разный! — воскликнула Офелия, запрыгивая на кровать.

— Он псих! — заявила Флори. — Мы уходим. Сейчас же.

Не дожидаясь возражений, сестра принялась собирать вещи. Их было немного, поэтому управилась она быстро. Офелия молча наблюдала. В голове крутилось столько слов, а вырвались почему-то самые неподходящие.

— Ты злая!

Флори щелкнула замками чемодана и замерла. Ее глаза потускнели и наполнились какой-то непостижимой печалью. Офелия тотчас пожалела о сказанном. Ей не хотелось

обижать сестру, а только возразить, чтобы остаться. Возможно, Флори была слишком мнительной, опасливой, недоверчивой, но никак не злой.

— Прости, — прошептала Офелия, с трудом выдохнув слово. — Я... так не думаю. Просто не знаю, как тебя переспорить.

Флори присела на кровать — так близко, чтобы они соприкасались локтями.

— Не всегда нужно спорить, Фе, — ласково проговорила она, как будто позабыла о своей обиде. — Мы должны доверять друг другу, понимаешь?

Офелия кивнула и тут же снова стала препираться:

— Почему же сейчас ты не веришь мне? Дарт — не плохой человек. Он не сделал ничего дурного и всегда был добр к нам.

— Ты еще мала, Фе! — Старшая сестра снисходительно вздохнула, как будто разговаривала со своей семилетней ученицей.

Офелии не понравилось, что опять все свелось к возрасту. В споре это было чем-то вроде шулерства, спрятанной в рукаве карты, которая обманом появлялась на столе в момент, когда нужно спасти проигрышную партию. Флори часто мухлевала, а потому всегда побеждала. Вот и сейчас, уверенная в своей правоте, продолжала нагнетать:

— Ты не представляешь, что могут совершать люди, завоевав твое доверие.

— Я и не хочу представлять! — фыркнула Офелия. — Если в каждом человеке видеть врага, как тогда искать друзей?

— Я твой друг. Мне ты можешь доверять.

Пререкания могли продолжаться вечно, если бы не звон дверных колокольчиков. Флори тут же оставила нравуочения и убежала проверить, кто пришел. Сгорая от любопытства, Офелия последовала за ней. Когда они выскочили на лестницу, Дарт уже встретил гостя. Сестры не видели его, только слышали бархатный голос из-за двери. Услышав шаги, Дарт обернулся и проворчал:

— Домограф уже ждет. Долго будете возиться? Идемте! Дарт вышел на улицу, не придав значения тому, что до сих пор одет в домашнее.

В спешке Флори зацепилась носком туфли за порожек и упала бы, не подхвати ее домограф. Он среагировал молниеносно, будто ежедневно тренировался ловить неуклюжих девушек. Флори густо покраснела, так что веснушки стали почти незаметны, и, пробормотав извинения, сбегала по ступеням, на ходу одергивая платье.

Домограф остался невозмутим: слабая улыбка едва промелькнула и тут же скрылась в аккуратной, будто бы очерченной под линейку, бородке. Весь его вид говорил — нет, кричал! — о крайней педантичности. Темные волосы зачесаны назад, дорогой костюм без единого залома и лишней ворсинки, обувь начищена до блеска. Не человек, а идеальная картинка. Офелия сомневалась, что когда-либо таких встречала. Еще больше ее поражало, что домограф оказался вовсе не седовласым старцем, умудренным многолетними исследованиями, а вполне молодым солидным человеком.

Рядом с ним стоял его антипод, чудаковатый Дарт: взъерошенный, суетливый, в неряшливой одежде. Пытаясь загладить неловкую ситуацию, он поспешил представить всех друг другу.

Имя домографа звучало заковыристо даже для здешних мест — так, что трудно повторить с первого раза. Зная это, он протянул карточку с его полным именем «Риндфейн Хаммонд Эверрайн», а также подсказкой — сокращенным «Рин». Оно напоминало дребезжанье велосипедного звонка, на котором развозили почту в Лиме: «Ринь-ринь-ринь, вам письмо!»

Кроме мудреного имени господин Эверрайн мог похвастать навороченным автомобилем с откидным верхом. Было непривычно оказаться в салоне, и Офелия долго не могла найти удобное положение: то упиралась коленками в переднее сиденье, то прижимала локти к бокам.

Пока она крутилась и вертелась, автомобиль катил по пыльной дороге. Рин вел размеренно и аккуратно: притормаживал перед кочками, объезжал ямы и никуда не торопился, чем очень раздражал нетерпеливого Дарта.

— Ты учишься водить у гусеницы? — спрашивал он, нервно дергая ногой.

Рин сохранял спокойствие и отвечал, что сегодня выходной и спешить ему некуда. Тогда Дарт начинал бубнить что-то про транжирство времени и кучу домашних дел.

— Я заметил, что ты сегодня домашний. — На миг домограф отвлекся от дороги, чтобы бросить взгляд на полосатый халат. Дарт насушился и отвернулся к окну.

Когда они приехали на место, Рин предусмотрительно оставил автомобиль в тени чахлах деревьев, отделяющих дома от дороги. В полуденный час на улице было безлюдно, и никто не видел, как их разношерстная компания направилась к серому зданию: с виду оно больше походило на лечебницу, чем на чье-то жилище.

Прямая неотесанная туша из камня была построена их прадедом — детским врачом. Всю жизнь он провел в своем кабинете, что, скорее всего, приучило его довольствоваться маленькими помещениями и скромной обстановкой. С тех пор в облике фамильного дома ничего не менялось: он стоял на небольшом клочке земли и не имел никаких архитектурных излишеств.

Рин деловито обошел участок и заглянул в окна. Затем поднялся на крыльцо и, поставив на перила портфель, выудил большую тетрадь в картонной обложке. К верхнему уголку крепилась тонкая цепочка, держащая карандаш. Рин вручил канцелярию Дарту и снова нырнул рукой в портфель, чтобы извлечь странные очки с разноцветными линзами, будто собранными из осколков витража. Оправа у них была массивная, со множеством латунных деталей, а вместо дужек — кожаный ремешок на заклепках. Рин нацепил очки на лоб и повернулся к Флори:

— Вы хозяйка?

Она неуверенно кивнула. Домографа и такой ответ устроил.

— Что ж, открывайте дверь. Проверим, что прячет ваш дом.

Флори остолбенела. Покидая дом в спешке, они напроць забыли о такой мелочи как ключи. Тем не менее дверь оказалась заперта, словно кто-то заботливо закрыл замок изнутри. Сестра путано объяснила, в чем проблема. Рин, к удивлению, остался невозмутим, если не считать того, каким пронзительным взглядом он обвел своих спутников.

— Ты уверен, что они живут здесь? — спросил домограф у Дарта.

Получив какое-никакое, но подтверждение, Рин подошел к двери, чтобы изучить замочную скважину. Ему хватило пары секунд. Он самодовольно хмыкнул и вернулся к своему портфелю, откуда вытянул сверток из мягкой кожи, похожий на футляр для инструментов брадобрея. Затем присел, опершись на колено, разложил вещи прямо на крыльце и задумался. Заглянув ему через плечо, Офелия заметила внутри кожаного свертка десятки маленьких кармашков с металлическими заклепками. В них, как выяснилось чуть позже, хранились ключи от самых разных замков. Рин безошибочно определил подходящий.

— Теперь можно перейти к исследованию, — заявил он, открыв дверь. — Если пойдете внутрь, держитесь позади меня и молчите, ясно?

Все подтвердили, что принимают правила. Тогда Рин надвинул очки на глаза и решительно переступил порог. Дарт последовал за ним, а сестры остались стоять на крыльце, заглядывая в дом и не решаясь войти.

Рин двигался по темному холлу медленно, почти крадучись. Крутил головой, шарил в воздухе руками, изучая пространство на ощупь. Когда же он продвинулся ближе к лестнице, дом ожил. Стены задрожали, доски на полу разразились оглушительным треском и вздыбились, как шерсть разъяренного зверя. Посуда в буфете тревожно

задрезжала. Что-то заныло и заскрипело из глубины комнат, усиливаясь эхом.

Флори схватила Офелию за руку и оттащила подальше от порога, на крыльцо.

В отличие от них, Рин отступить не собирался. Он что-то сказал Дарту, и тот внес запись в тетрадь. Добравшись до противоположной от выхода стены, домограф прильнул к ней, будто хотел подслушать разговор в смежной комнате. Буфет огрызнулся звоном посуды, но не сдвинулся с места.

Под крышей заскрежетало, и Офелии померещилось, что потолок готов обрушиться. Только она об этом подумала, как волна горячего воздуха хлынула из кухни. Их словно бы обдало жаром из печного короба. Дарта сшибло с ног и протащило по полу, то же самое произошло и с домографом: как бы отчаянно он ни цеплялся за притолоку, невидимая сила вытолкала его и швырнула к входной двери. Вторая волна была обжигающей и такой мощной, что вынесла Дарта и Рина на улицу, словно щепки. Все произошло слишком быстро, и сестры, не успев даже ойкнуть, повалились друг за другом.

Расправившись с незваными гостями, дом стих.

Офелия, которая едва не скатилась по ступенькам, ушибла плечо. Флори отделалась стесанным локтем. А вот парням досталось сильнее. Дарт врезался спиной в перила, сломав деревянную балясину, и теперь кряхтел, как старик. Рина — как самого злостного нарушителя — дом отбросил за пределы крыльца.

— Спокойно, все под контролем! — донеслось из куста жасмина, откуда вскоре выбрался Рин.

Он отряхнул костюм, а затем снял с головы треснутые очки, не заметив, что в волосах застряло несколько торжественно-белых лепестков. Растерянно покрутив в руках сломанную оптику, Рин положил ее в портфель, а взамен достал пучок деревянных палок и коробок спичек.

— Что вы задумали? — испуганно спросила Флори, наблюдая, как Рин решительно поднимается на крыль-

цо. Все выглядело так, будто он намеревался спалить дом.

— Все дома боятся пожаров, — отозвался Дарт. — Безлюди цепенеют от страха, когда чувят дым.

Пока он объяснял, Рин поджег несколько ароматических палочек и сунул их в замочную скважину.

Из-под двери потянуло горьковатым запахом древесного дыма.

— Думаю, я наглядно продемонстрировал вам, что это безлюдь, — бросил Рин через плечо. — Остались формальности.

Он подождал, пока благовония в замочной скважине прогорят, потом провернул ключ и толкнул дверь.

Появление Рина снова пробудило недовольство дома, но теперь оно выражалось лишь в потрескивании стен. Очевидно, дымный запах пугал безлюдя и заставлял умерить свой пыл. Теперь ничто не мешало Рину завершить осмотр. Он позвал Дарта на подмогу, вручил половину благовоний и распорядился проверить кухню, а сам направился на второй этаж. Доски на полу приняли свое привычное положение, звуки стали тише и теперь слышались откуда-то сверху, словно Рин увлек их за собой.

Дарт обернулся и с хитрой ухмылкой обратился к Флори:

— Не хочешь поучаствовать?

Конечно, она согласилась. Офелии ничего не оставалось, как последовать за ними. Флориане доверили нести пучок древесных палочек — и, судя по ее недовольному лицу, это было совсем не то, на что она рассчитывала, принимая приглашение.

Они обошли кухню, где не нашлось ничего подозрительного, кроме кружки, умудрившейся склеиться заново. Дарт решил проверить подвал, пусть для этого пришлось пройти череду препятствий: отодвинуть сундук, выбить засов и откинуть крышку люка. Из подвала дохнуло затхлостью, как из мешка с гнилой картошкой. Заметив на

внутренней стороне люка темные пятна и разводы, Дарт изменился в лице и попросил фонарь.

Когда Офелия подросла с помощью, он уже перебрался на лестницу. Слабый желтый свет пятном упал вниз и вскользь озарил пол. Неясная картинка, словно вспышка, мелькнула перед глазами, — Офелия не успела понять, что это было. Резкий укол страха пронзил ее насквозь. Она не могла описать увиденное, но когда раздалась возгласы Дарта, упоминающие Хранителя, поняла: он обнаружил что-то ужасное.

— Позовите Рина!

Офелия бросилась к домографу, и спустя минуту они вернулись на кухню. Рин склонился над подвальным люком и тут же отпрянул, потому что Дарт выскочил оттуда как шут из шкатулки — лицо бледное, глаза дикие.

— Там Мео... Мео... — Слова перемешались с судорожными вдохами, и Дарт никак не мог справиться с этим. Тем не менее все поняли, что он имел в виду. Его руки, перепачканные кровью, красноречиво говорили о том, что никак не удавалось произнести вслух.

— Дело дрянь, — мрачно произнес Рин. — Нужно вызывать следящих.

При упоминании стражей правопорядка Флориана напряглась.

— Мы здесь ни при чем, — затараторила она. — Вы же не думаете, что...

— Конечно, нет! — перебил Дарт. — Мы не думаем, что две юные особы могли разmozжить человеку голову.

Офелия ахнула. Только сейчас она поняла, что видела в мелькнувшем пятне света. Стало дурно, перед глазами почернело, и она медленно осела на пол.

Когда Офелия пришла в себя, то уже лежала на крыльце дома, ощущая на лице прохладные капли воды. Очевидно, так ее пытались привести в чувство. Флориана сидела рядом и дрожала, будто от озноба.

— Нам нужно поторопиться, Фе, — пробормотала она, сжимая стакан с водой. — Я соберу вещи...

Офелия ощутила тот же страх, что и сестра. Им снова придется прятаться, как преступникам.

Собирая оставшийся скарб, они услышали о дальнейших планах: Рин намеревался сообщить следящим о происшествии, а Дарт оставался в доме, чтобы осмотреть подвал. Но прежде Рину предстояло сбросить балласт из двух напуганных сестер.

По пути они не проронили ни слова, и домограф сам, безо всяких вопросов, прояснил главное для них. Дом действительно оказался безлюдом — молодым, не умеющим управлять собой, а потому опасным. Рин подозревал, что убитый стал жертвой бесконтрольного безлюдя. Это были всего лишь догадки, но он обещал уладить ситуацию как можно скорее и посоветовал сестрам оставаться под прищмотром Дарта. Флори, все еще одержимая недоверием к нему, попыталась возразить — и получила вежливый отказ.

— Как я понял, вы боитесь, что следящие заберут Офелию в приют? — уточнил Рин и, услышав положительный ответ, продолжил: — Понимаю ваши страхи, потому и предлагаю самое безопасное место, где следящие вас не найдут. А они *будут* вас искать.

Флори сразу сникла и обхватила себя руками. Офелия отвернулась к окну. Внезапно на нее накатило болезненное осознание того, в каком положении они оказались. У них забрали единственное пристанище. Оно стало безлюдом и местом чьей-то гибели... уже не в первый раз. Жуткая картина до сих пор стояла перед глазами. очередной кошмар, заключенный в стенах фамильного дома.

Когда автомобиль остановился, Офелия спешно вытерла слезы и вышла первой. На сей раз безлюдь не торопился открывать им дверь, и Рину пришлось воспользоваться ключом из своего арсенала. Чемодан он оставил у порога, отказавшись входить в дом. Флори удивленно спросила почему.

— Мое присутствие раздражает безлюдей, — ответил Рин. — Не хочу доставлять неудобства.

По лицу Флорианы было понятно, что у нее осталась еще дюжина вопросов, которые она не задала из вежливости, чтобы не задерживать Рина.

Безлюдь спокойно воспринял их появление: притворился обычным домом и затаился, словно не желал выдавать себя, пока лютена нет рядом. Зато Бо встретил их со всей собачьей радостью.

После обморока Офелия чувствовала себя отвратительно, словно у нее резко поднялась температура. Тревога и страх раскалили ее тело, как доменную печь. Флори уговорила ее прилечь. Офелия не хотела засыпать, боясь кошмаров, навеянных тем, что ей довелось пережить сегодня. Южане говорили, что сон исцеляет: очищает тело от усталости, а голову — от дурных мыслей. Кошмары, по их словам, вскрывают душевные раны, а из них, точно гной, выходят губительные чувства... До недавнего времени Офелия искренне верила в целебное свойство снов, но в западном городе суеверия с юга не действовали. Им не удалось заглушить ту боль, что поселилась в душе после смерти родителей, и вряд ли от этого существовало хоть какое-нибудь лекарство.

Как бы она ни противилась, веки сомкнулись, и сознание провалилось в тягучий, беспокойный сон. Почувыв чье-то присутствие, Офелия распахнула глаза и увидела в дверях Дарта в сопровождении Бо. Вместе с ними в комнате появился чемодан.

— Извини, что разбудил, — пробурчал Дарт. Лицо у него было мрачным, осунувшимся, словно сам он провёл без сна долгое время и сейчас держался из последних сил. — Вам нужно уйти на пару часов, пока совет лютенов не закончится.

Она собиралась спросить, что это значит, но Дарт уже скрылся.

После сна Офелия чувствовала себя еще хуже и винила familialный дом, убежденная, что он выкачал из нее все жизненные силы. Она даже села с трудом, пытаясь привыкнуть к тяжелой и неповоротливой голове.

Место, где они оказались сейчас, едва подходило для роли убежища, и одному Дарту известно, сколько еще опасных ловушек таилось в глубине запертых комнат. В каждом уголке чувствовалась жизнь: занавески дышали, стены могли выражать эмоции, а платья в шкафу вели себя как живые.

В отличие от безлюдя, их семейный дом обладал какой-то застывшей, мертвой атмосферой. Она поняла это с первого дня переезда и позже рассказала сестре о своих ощущениях. Флори сделала серьезное лицо и даже участливо покивала, но в какой-то момент вдруг нахмурилась, взяла Офелию за руку и произнесла речь: «Милая, я понимаю твои чувства... Мне тоже не нравится это место, потому что с ним связаны тяжелые времена, но дом не виноват, что мы видим его мрачным и неудобным. Он лишь отражает наше душевное состояние, понимаешь? Поверь, пройдет время, и ты полюбишь его, как дедушка, дядя Джо или мама...» Тогда Офелия ответила: «Я не хочу любить дом, как те, кто в нем умер!» Эти слова разозлили Флори. Щеки вспыхнули от гнева, взгляд стал колючим и жестким. «Больше не говори так никогда!» — процедила она сквозь зубы и отпустила руку, словно ей вдруг стало противно. Офелия упрятала тревожные мысли и боль так глубоко, чтобы они случайно не просочились опять. Их семейный дом казался ей пугающим, холодным — как мертвец. А о мертвых плохого не говорят.

Внезапно стены дома сотряс громкий шум, похожий на удар в медную тарелку. Не прошло и минуты, как появилась Флори, чтобы поторопить.

— То Офелия ложись, то Офелия вставай, — проворчала Фе, слезая с кровати.

За спиной Флори нарисовался Дарт, который даже в своей нелепой пижаме выглядел сурово.

— Поздно, они пришли. Сидите как мыши. И запритесь. — Он хлопнул дверью и ушел. Пусть его слова прозвучали сдавленным шепотом, Офелию не оставяло чувство, что на нее накричали.

Когда в доме раздался металлический скрежет, Флори поспешно задвинула щеколду и прильнула к замочной скважине. Ничего не увидела, прислонилась ухом.

— Что там? — Офелия подкралась к сестре, и та жестом заставила ее замолчать.

До них доносилось множество разрозненных глухих голосов, но слов было не разобрать. Сестры сидели у двери, попеременно заглядывая в замочную скважину и прислушиваясь. Внезапно Офелия ойкнула, поняв, какую ошибку они совершили.

— Ты чего? — шикнула Флори.

— Наши платья! Платья в ванной! Мы оставили их сушиться.

— Уж точно лютены не в ванной собираются, — попыталась отшутиться Флори.

Конечно, маловероятно, что кто-то из лютенов обнаружит платья, изобличающие их присутствие в безлюдье. Да и неизвестно, чем это могло обернуться, однако Дарт не просто так беспокоился, чтобы сохранить тайну.

Офелия твердо решила, что должна пробраться в ванную и скрыть следы. Флори настаивала оставить все как есть и не высовываться, потому что намного опаснее попасться самой.

— Я, в отличие от платья, могу спрятаться! — упрямылась Офелия.

За перепалкой они не сразу различили шаги в коридоре, а когда звук стал приближаться, разом отпрянули от двери. Отползли подальше, как можно тише перебирая руками и ногами, чтобы не выдать себя. В щель между дверью и полом прокралась тень. Кто-то стоял с той стороны, тоже слушал или подглядывал в замочную скважину. Спрятавшись за грузным телом шкафа, сестры надеялись, что их не обнаружат.

Внезапно за дверью раздался голос Дарта:

— Что ты делаешь?

Женский голос взвизгнул:

— Искала уборную.

— А в замочную скважину проверяла, не занято ли? — Дарт держался легко, ничем не выдавая волнения или злости.

— Убедилась, что ломилась не туда.

— Давай вернемся к остальным. Не хочу затягивать совет...

Снова раздались шаги — теперь умноженные на два, но удаляющиеся. Когда все стихло, сестры облегченно выдохнули. После этого стало понятно, что опасения Офелии не напрасны. Если та любопытная особа что-то почуяла через запертые двери, то платья, как сигнальные флаги, уж точно привлекут внимание.

Офелия вопрошающе посмотрела на сестру и прошептала:

— Я пойду!

— Может, лучше я?

— Нет. Я лучше знаю дом: как бесшумно открыть дверь, где спрятаться и какие доски на полу скрипят.

На самом деле ничего она не знала, но переспорить сестру было приятно. Перед тем как выйти, Офелия убедилась, что в коридоре никого нет, а голоса звучат откуда-то издалека. Она кивнула, и Флори почти бесшумно открыла щеколду. Офелия выбралась из одной комнаты и тут же юркнула в другую, напротив. Впопыхах она совершила непростительную ошибку: задела ногой ведро, и то предательски гроыхнуло. Не прошло и минуты, как в коридоре раздались торопливые шаги.

Сдернув платья, Офелия заметалась по комнате в поисках укрытия и не нашла ничего лучше, чем залечь на дно ванны. Она была готова пролежать здесь, пока все не уйдут, лишь бы никто не заметил ее. Кто-то вошел в комнату. «Проклятье!» — сдавленно выругался Дарт и открыл кран. Шум воды и гул труб заглушили все остальные звуки, а когда прекратились, Офелия четко расслышала, как появился кто-то еще.

— Все в порядке? — спросил мелодичный голос. Это была девушка, но явно не та, что заглядывала в замочную

скважину. Любопытная говорила высоко и визгливо, а эта особа имела спокойный, обволакивающий слух тембр.

— А? — Очевидно, Дарт не ожидал встретить ее здесь, потому и растерялся.

— Ты сегодня выглядишь бледным и обеспокоенным... даже ни разу на меня не взглянул, — продолжила девушка.

— Мой друг погиб, — хрипло отозвался он в оправдание.

— Да-да, очень печально, но я не о том. — Ее голос звучал тише, как бывает, когда собеседник оказывается так близко, что переходит на полусшепот. — Мы давно не виделись, Дарти.

Офелия едва не фыркнула от отвращения, но вовремя вспомнила, что ей нельзя издавать ни звука. Спиной она чувствовала холод ванны, а к животу прижимала платья, еще сохранившие тепло котловой трубы.

— Лиза, нас ждут.

— Понимаю. Служба... и все такое, — томно вздохнула она. — Но я могу остаться после Совета.

— Не сегодня.

— Да ну. — Лиза удивилась отказу и обиженно добавила: — На тебя не похоже.

Несмотря на милый тембр, слушать ее было невыносимо, как и весь разговор, явно не предназначенный для посторонних ушей. Офелии хотелось стать жидкостью и просочиться в смыв ванны, где она пряталась.

— Один из наших умер, а ты ведешь себя так, будто мы собрались здесь поразвлечься! — не сдержался Дарт.

— Ты безнадежный псих и нытик! — швырнула она в ответ. Следом сердито застучали каблуки, хлопнула дверь.

Выждав с минуту, ушел и Дарт.

Офелия осталась в полной тишине, потрясенная невольно подслушанным разговором. Лежа в своем укрытии, она глядела на щербатый потолок, пытаясь перебороть неприятное, липкое чувство. Думала о девушке, отвергнутой Дартом, и о том, как глупо звучит его прозвище. В ка-

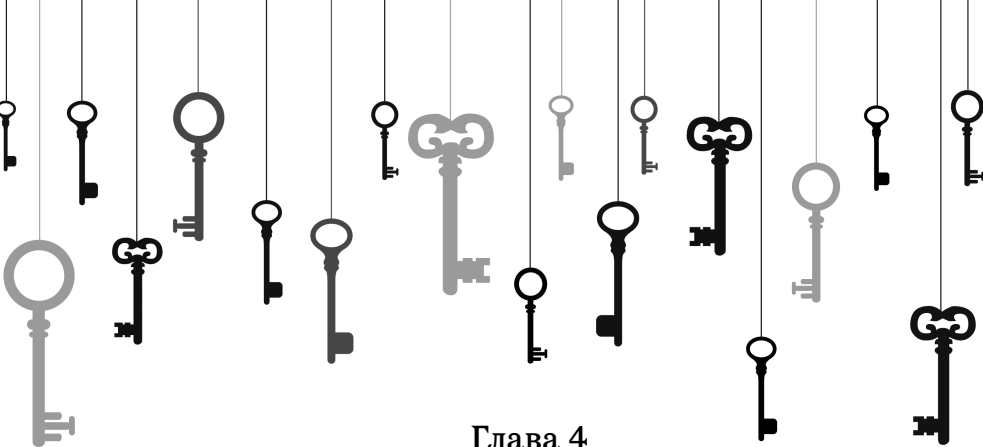
кой-то момент Офелия спохватилась, что слишком долго возится здесь.

На сей раз ей удалось не наделать шума. Тенью она проскользнула обратно в спальню, где сестра встретила ее с вопросами:

— С тобой все в порядке? Тебя точно никто не видел?

На ее лице остался вдавленный след, какой бывает от подушки после долгого сна. Флори слишком долго просидела в ожидании, выглядывая в замочную скважину. Офелия заверила, что осталась незамеченной, и тут сестра протянула обрывок бумажки с неаккуратно нацарапанным предупреждением: «Тихо! Вас учуяли!» Записку оставил Дарт, когда услышал шум и вышел проверить, что случилось. Он сунул бумажку под дверь спальни, а затем скрылся в ванной комнате, где его застала «дама в черном», — в замочную скважину Флори видела лишь часть ее наряда. На вопрос, о чем они там говорили, Офелия ответила коротко и размыто, как только смогла сообразить на ходу: «Они спорили». Она хотела добавить что-то еще, но в самый подходящий момент под дверь появилась еще одна записка: «Вы свободны». Это значило, что совет закончился.

Глава 4

Танцующие дома

Лавандовое мыло пенилось, стоило легонько потереть ладонями. Интересно, откуда оно взялось в доме Дарта и в какое время он предпочитает пахнуть как саше из девичьего шкафа? Флори нежилась в пенной воде, позволяя себе думать о разных мелочах и сущих глупостях — главное, о чем-нибудь хорошем. Навязчивые мысли возвращались к утреннему знакомству с господином Эверрайном: его уверенной манере держаться, невозмутимому спокойствию и вежливости, деловому портфелю, коллекции ключей и безупречно скроенному костюму, пропитанному запахом сандала...

Она так увлеклась, что вода успела остыть, а мыльная пена — расплыться по поверхности рваными клочками, похожими на комья мокрой ваты. Дрожая от озноба, Флори выпрыгнула из ванны, наскоро обтерлась полотенцем и нырнула в ночную сорочку, окутавшую ее теплым облаком. Это была «старшая сестра» безнадежно испорченной рубашки, которая после приключений с Офелией потеряла всякий вид.

Прихватив с собой вещи, Флори вышла из комнаты и тотчас налетела на Дарта. Она издала что-то вроде испуганного вздоха и отскочила в сторону. Хорошо, что чашка в его руках оказалась пустой, иначе бы все пролилось на нее.

— Думал, все уже спят, — рассеянно пробормотал Дарт.

Флори пожала плечами. Когда она отправилась в ванную, младшая сестра играла на кухне с Бо, а теперь, наверно, уже видела десятый сон. Ее молчание прервалось неожиданным приглашением выпить кофе.

— На ночь? — удивилась она.

Дарт заглянул в чашку с кофейной гущей на дне и почесал затылок.

— Кажется, ты выпил целую чашку бессонницы.

На лице Дарта мелькнула тень улыбки: уголки губ дернулись вверх и тут же опустились, передумав.

— Надо бы записать. — Он похлопал карманы пижамы, где прятал бумагу, и попутно предложил: — Так не выпить ли чашку бессонницы в библиотеке?

Флори встрепенулась. В их *настоящем* доме — а его она считала идеалом — места для библиотеки не хватало. В нем помещалось только три небольшие спальни наверху, кухня, крохотная гостиная и бытовые. Не было даже рабочего кабинета, и письменный стол отца пришлось поставить прямо в коридоре, у окна. Домашняя библиотека с детства казалась чем-то волшебным и несбыточным, поэтому отказаться от предложения она не смогла.

Флори задержалась, чтобы оставить вещи в спальне, а после спустилась на кухню, где Дарт уже разливал бессонницу по чашкам. Бросив взгляд на его пижаму, мятую, с надорванной штаниной, она спохватилась, что сама разгуливает по дому в одной сорочке, и обняла себя руками.

Дарт на нее даже не смотрел, но робкий жест заметил.

— Замерзла? В корзине есть плед.

Он махнул рукой в сторону двери, ведущей на веранду. У выхода стояла большая корзина с парой шерстяных пледов. Флори замерла у стеклянных дверей: сквозь них слабо проглядывались изгибы плетеных кресел, но ее собственное отражение все равно было ярче. Она спешно поправила волосы, чтобы прикрыть уши — несуразные, причудливо торчащие, будто приделанные кукольником к ее фарфоровой голове.

— Если хочешь, можешь выпить после кофе сонной одури, — предложил Дарт. — Храню ее на случай бессонницы.

Она отказалась, поскольку не имела привычки пить лекарства по таким пустячным поводам. Дарт небрежно оставил пузырек на верхней полке, и тот затерялся где-то среди банок с крупами.

Подхватив две чашки, он кивком поманил Флори за собой. Вместе они поднялись по лестнице, прошли половину коридора и остановились. Дарт небрежно толкнул дверь ногой и, пятясь, вошел в комнату. Свет здесь был какой-то особый, оранжевый, похожий на тот, что появляется на закате. Книжные шкафы до потолка располагались по всему периметру комнаты, и казалось, что они и есть стены. Пахло старой бумагой, пылью, воском для полировки мебели, а теперь еще и кофе.

Первым делом Флори направилась разглядывать книжные стеллажи. Если верить распространенным убеждениям, содержимое полок многое рассказывало о человеке. Она ожидала, что библиотека лютена состоит из литературы о безлюдях, но перед глазами предстали совершенно другие книги: истертые фолианты с жизнеописаниями мыслителей, энциклопедии и словари. Одни полки были забиты пожелтевшими свитками и бесконечными чертежами, на других детские сказки соседствовали с научными трактатами. Атласы, справочники по картографии, альманахи и целый ряд книг о виноделии. Попадалась здесь и разная беллетристика, хотя на полках преобладали толстенные энциклопедии, распухшие от собственной важности.

— Ищешь книги о безлюдях? — спросил Дарт, нежданно оказавшись рядом, хотя Флори казалось, что мгновение назад он был в дальнем углу библиотеки. Когда она повернулась, Дарт протянул потрепанную книжицу со словами: — Есть только такая.

Флори осторожно провела пальцем по каллиграфической надписи на обложке: «Легенды о безлюдях. Дома,

ожившие во времени». Книга была самодельной, о чем говорили и неровно сшитая обложка, имеющая происхождение из какого-то кожаного изделия; и намалеванное краской название; и разлинованные вручную страницы, заполненные убористым почерком.

— Рин выкупил ее у старьевщика. Если верить подписи, автор — один из первых домографов в городе. Можешь почитать. Только не верь всему, что написано. Говорят, некоторые заметки он добавлял уже после того, как сошел с ума.

Дарт лениво прошел к креслам, расставленным вокруг кофейного столика, и расположился в одном из них. Прямые подушки выдавали, что совсем недавно здесь кто-то сидел. Флори догадалась, что лютены заседали в библиотеке, и с этой мыслью заново оглядела комнату: на массивном письменном столе в компании вороха бумаг и разной канцелярии забыты стаканы во главе с пустым графином; стулья небрежно брошены посреди комнаты... Судя по беспорядку, людей было много.

— Лютены собирались тут? И сколько же вас?

Дарт помедлил с ответом.

— Двадцать или около того... Не коллекционирую лютенов, знаешь ли.

Устроившись напротив, Флори потянулась к чашке, оставленной на столике, и отвлеклась на исписанные листы, лежащие рядом. Она мельком увидела ряд имен и закорючки напротив, прежде чем Дарт сгреб бумаги и отнес их подальше от любопытных глаз.

— Это тайный документ, — заявил он. — Отчет полагается только для домографа.

— Вы отчитываетесь о том, как прошло собрание?

— Совет, Флориана, правильно говорить «совет», — мягко поправил Дарт, уйдя от ответа. Это лишь подтвердило ее предположения.

Она ожидала услышать что-то еще о безлюдях или лютенах, но Дарт молча потягивал кофе, смакуя каждый глоток, точно специально испытывал ее терпение. Не поддаваясь на его уловку, Флори делала вид, что увлечена

видом книжных полок, и размышляла, как добраться до верха, если нет библиотечной лестницы.

Наконец Дарт отлип от чашки, вытер губы рукавом пижамы и неожиданно сказал:

— Мео был моим другом. — И тут же умолк, тяжело вздохнув.

Его чувства отозвались в ней глухой болью. Флори хотела бы успокоить Дарта, сказать что-то вроде: «Когда-нибудь станет легче. Посмотри на меня, с этим можно жить», — но слова застряли в горле, точно кусок черствого хлеба. Она так ничего и не сказала, а Дарт продолжил:

— Рин считает, что это вина вашего безлюдья, но Мео слишком осторожный и правильный, чтобы лезть в неизвестные ветки тоннелей, которых даже на карте нет.

— Но ты же полез. — Флори небрежно пожала плечами. До сих пор оставалось загадкой, как Дарт обнаружил подземный ход, ведущий в подвал их дома.

— Я осматриваю тоннели раз в месяц. Это часть моей работы, — пояснил он, а затем снова помрачнел, заговорив о друге: — Его Дом-на-ветру один из самых богатых безлюдней в городе. Возможно, на него напали, а Мео пытался скрыться через тоннели и совершенно случайно обнаружил выход в ваш подвал.

Флори почувствовала укол совести. Она не хотела говорить этого, слова сами вырвались наружу:

— Мы слышали его, но не помогли. Мне очень жаль.

— Вы здесь ни при чем.

Между ними возникло неловкое молчание. Ей пришлось делать вид, что она увлечена содержимым чашки. Ох, как же глупо!

— Значит, кто-то нападает на лютенов? — спросила Флори спустя долгую паузу.

Дарт пожал плечами:

— Поговорим об этом завтра.

— Тогда о чем прикажешь говорить сейчас? — Чашка раздраженно звякнула о блюде.

— Ну, например, о том, как нехорошо подслушивать разговоры, — сказал он мягко, почти с улыбкой на лице, однако Флори встревожилась.

Она предполагала, что выходка Офелии не останется незамеченной, и тем не менее подумать не могла, что отвечать за это придется ей самой. Что ж, такова доля старших сестер.

— Слушай, — Дарт наклонился вперед, опершись на подлокотник кресла, — я знаю о каждом вашем перемещении по дому. Где бы вы ни находились и что бы ни делали. Так что впредь давайте без глупостей, ладно?

— Ты следишь за нами? — ахнула Флори.

Дарт усмехнулся, довольный, что так легко получилось запугать ее.

— Не я, мой хозяин.

Уютная библиотека тут же превратилась в душную комнату, а сидящий напротив человек — в коварного врага. Больше всего Флори хотелось уйти и хлопнуть дверь пошире, чтобы стены содрогнулись.

— Если наше присутствие здесь такая проблема, почему бы не отправить нас в другое место?

— Вы связаны с безлюдом, вокруг которого творится что-то неладное. Вам лучше не теряться.

От возмущения у нее даже дыхание перехватило. Значит, вот кто они: ценные свидетели, запасные ключи, припрятанные на всякий случай. Наверно, она выглядела обиженной, поскольку Дарт смягчился и даже попытался успокоить:

— Знаю, ты считаешь меня злодеем и психом, но, поверь, это самое безопасное место для вас с сестрой.

— Я не... — начала она. Ее тут же перебили, не позволив оправдаться:

— У стен есть уши.

Флори вспыхнула, будто пламя, и взметнулась вверх, подскочив с кресла.

— А как же кофе? — бросил Дарт.

Уходя, она ответила ему обжигающим взглядом:

— Пейте его сами, господин Дартон! Счастливой бессонницы!

Всю ночь Флори пыталась усмирить свои чувства: они свербели внутри, мешая уснуть и вызывая то мурашки, то жар. Она задремала уже под утро, а когда открыла глаза, то увидела первые солнечные лучи, пробивающиеся сквозь витражное окно.

Осторожно, стараясь не разбудить сестру, Флори выскользнула из постели. Офелия пролепетала что-то и, заворочавшись, тут же заняла освободившееся пространство на кровати. Ее длинные волосы разметались по подушке изящными завитками, напоминая чернильные росчерки на белой бумаге. Флори подумала о папиных чертежах. Она любила разглядывать их: точность линий, нанесенных уверенной рукой, вселяла веру в то, что и своей жизнью можно управлять так же осмысленно, твердо и продуманно. Флори скучала по ровному и спокойному прошлому, по аккуратным абрисам зданий, с которыми работал отец, по нему самому. Сейчас она разрешила себе подумать о нем, позволила горечи заполнить ее целиком, до самых кончиков пальцев, — так, что руки показались невероятно тяжелыми. Это напомнило о том, что даже огромное, сложное, непостижимое можно подчинить своей мысли, если превратить в чертеж.

Воспоминания об отце придали уверенности, и Флори твердо решила найти другое убежище. В этом доме их с сестрой считали запасными ключами, отложенными в пыльный ящик. По размерам безлюдь во много раз превосходил воображаемое место хранения, но даже в нем было тесно и неудобно. Флори сбежала бы отсюда сегодня же, будь у нее достаточно денег, чтобы оплатить комнату на постоялом дворе, да только за оставшиеся монеты не снять и койки в коридоре.

Прежде семья Гордер никогда не бедствовала, хотя и больших накоплений не имела. Бюджет истощали быт, ремонт фамильного дома и швейная лавка матери. Нередко ателье работало в убыток, существуя ради самой идеи.

Они жили так, будто не допускали мысли, что может произойти плохое. Внезапная трагедия перевернула жизнь сестер и доказала: плохое не просто возможно, а неизбежно. Ему плевать, во что ты веришь, кем являешься и сколько денег имеешь; как бы то ни было, однажды оно появится в твоей жизни и попытается разрушить ее.

После смерти родителей у них отняли все: вначале дом в Лиме, а затем и мамину швейную лавку, которую прибрала к рукам предприимчивая тетушка Уайли. Она работала модисткой, звалась маминой подругой и была вхожа в их близкий круг. С детства Флори дружила с ее детьми и никогда бы не поверила, что они смогут с легкостью предать многолетнюю дружбу.

Ни друзей, ни семьи, ни дома, ни денег. Последние сбережения они потратили на похороны, переезд и отчаянные попытки вернуть то, что у них украли. Недавняя поездка в Лим тоже оказалась напрасной. Городское управление нашло лазейку, чтобы не отдавать дом, тетушка Уайли за полгода успела продать ателье, а на его месте новые владельцы открыли кабак. История швейной лавки утонула в бочках с дешевым пойлом, и никто не захотел разбираться, как так вышло.

Город отрекся от них, вырвал родственное прошлое с корнем и заперся на все замки, а Флори до сих пор лежала надежду, что, если долго стучать, дверь откроется.

Размышляя о жизненных трудностях, она сложила в чемоданчик последние картины для продажи. Стоило побеспокоиться о новых работах: в преддверии праздника на рынке царил небывалый ажиотаж, и покупатели хватали все без разбора. Флори подумала о салфетках с вышивкой, подходящих для украшения ярмарочных столов, а затем с досадой вспомнила, что коробка для рукоделия осталась в доме. Видимо, придется туда навеститься — одна мысль об этом вызвала неприятное, тянущее чувство в груди.

Флори оставила сестре записку с обещанием вернуться к обеду, а затем выскользнула из комнаты. На лестнице

остановилась, чтобы разглядеть картины. Они были развешаны в хаотичном порядке, будто кто-то швырнул в стену ворох листов, и те прилипли случайным образом: криво, косо и даже вверх тормашками. Детские каракули перемежались с искусно выполненными картинами, а грубые линии карандашных набросков сменялись воздушным касанием акварели. Несколько удостоились рамок со стеклом, остальные оказались прибиты к стене гвоздями или приколоты булавками. Среди картин затесались небрежные схемы какого-то механизма, засушенные ромашки в овальной раме и парочка гобеленов, изображающих мифических чудовищ. Возможно, каждый из бывших жильцов внес свою лепту в галерею над лестницей. Воображение разыгралось, и Флори представила большую семью, где одни рисовали и чертили, другие собирали гербарий, а третьи верили в мифы и легенды. Как же это было похоже на ее семью — на тех, кем они были совсем недавно...

В какой-то момент Флори поняла, что за ней тоже наблюдают, и поймала взгляд Дарта. Судя по покрасневшему лицу и растрепанным волосам, прилипшим ко лбу, он только что вернулся с утренней пробежки.

— Куда это ты так рано? — спросил он.

— На работу.

— Ты же вроде преподаешь рисование? — Его слова прозвучали небрежно, как будто подчеркивая, что ему вообще не нужен ответ.

— Да, а еще продаю свои картины и вышивки.

— М-м-м, значит, тебе нужны новые материалы для рукоделия?

Флори удивленно уставилась на Дарта: почему он спрашивает? Откуда ему знать, что она задумала?

— С чего ты взял, что...

— ...ты собралась к своему безлюдю? — Его брови причудливо изогнулись. Он помолчал немного, выдерживая интригу, а потом принялся с напускной ленью, растягивая слова, объяснять фокус с чтением мыслей: — Ты

уходишь слишком рано. Вряд ли в такое время назначаются занятия, да и рынок еще закрыт. Значит, у тебя есть другие дела. Ты оставляешь сестру здесь, хотя не доверяешь мне, — следовательно, отправляешься в место, которое считаешь для нее более опасным, чем это. У тебя в руках дорожный чемодан, куда ты, возможно, планируешь сложить вещи. И наконец, я предположу, что раз ты собиралась в спешке, то могла забыть дома что-то важное. А что для тебя важнее, чем шанс заработать и съехать отсюда?

Флори застыла, пораженная монологом Дарта.

— Я могу предложить другое решение, — продолжал он.

— Опять заманишь в библиотеку, чтобы обвинить в чем-нибудь?

— Ты обижена на меня, Флориана? Позволь загладить вину. — Его лицо тронула вежливая улыбка, а потом он проворчал: — Ты идешь или нет?

Флори замешкалась, выбирая из двух зол меньшее: последовать за ним или же пойти в одиночку туда, куда ей совершенно не хотелось возвращаться. Она решила, что разумнее принять руку помощи.

Дарт повел через холл, мимо лестницы, в ту часть дома, где Флори ни разу не бывала. У запертой двери он остановился, чтобы произнести вступительную речь:

— Признаться честно, я хотел рассказать об этом еще вчера, но ты сбежала раньше. В общем, хозяин не против, если ты будешь пользоваться мастерской.

Дарт открыл дверь и любезным жестом пригласил Флори войти. Она попала в комнату, похожую на оранжерею: три стеклянные стены открывали вид на уютный дворик, а прозрачная крыша с деревянным решетчатым переплетом пропускала рассеянный свет. Паутина из лучей и бликов висела в воздухе, и казалось, что светятся сами вещи: широкий стол, пара стульев с округлыми спинками и перепачканный краской мольберт, задвинутый в угол.

Пока Флори заворожено глазела по сторонам, Дарт выдвинул ящики стола, заполненные до краев всем необходимым; нашлись даже нитки для вышивания, иглы и отрезки дорогой ткани. Она долго изучала пространство и разглядывала содержимое ящиков, а после отворила двери в сад. Тотчас на нее хлынул поток воздуха, сладкого от цветов и чуть горьковатого, травянистого.

Флори поблагодарила Дарта, а тот сухо ответил, что все устроил хозяин. Тогда она запрокинула голову, чтобы крикнуть в потолок «спасибо!», и ей почудилось, что по стеклянной поверхности пошла рябь, какую можно увидеть на воде в ветреную погоду. Или это была игра воображения.

Безлюдь раскрывал перед ней свои лучшие черты так точно и своевременно, будто не только следил и подслушивал, но и читал мысли.

— Надеюсь, хозяин уберег тебя от глупых поступков?

— Во всяком случае, на сегодня.

Дарт одобрительно усмехнулся:

— Тогда мир?

Они скрепили перемирие рукопожатием и вышли на улицу.

Флори медленно обошла дворик, огороженный невысоким забором. Деревья уже перемахнули за границу и медленно захватывали заброшенный участок, за которым начиналась пустошь. Обратная сторона дома, скрытая от посторонних глаз, выглядела намного красивее, чем обветшалый, выцветший на солнце фасад. Заднюю часть дома обвивали глицинии, их лиловые соцветия, похожие на виноградные гроздья, нависали над окнами и почти полностью закрывали каменную стену.

Она бы с удовольствием провела здесь целый день, если бы не работа. Пришлось отложить все мысли об отдыхе и отправиться к Присам.

Путь к их дому стал еще дольше и утомительнее. Несмотря на раннее утро, солнце раскалило воздух. От жары не спасали ни тень деревьев, ни прохладный ветер

с Почтового канала. Миновав последний подъем улицы, Флори устало выдохнула и с облегчением нырнула в тень каштанов.

Долорес встретила ее заявлением, что хозяйка сегодня не спустится. Предполагалось, что после такой новости нужно расстроиться или хотя бы изобразить печаль, а Флори изволила только кивнуть, скрывая радость от того, что сегодня не придется лицеизреть надменную маску госпожи Прилс. Экономка хотела рассказать что-то еще, но Флори вовремя сбежала в класс для рисования.

Большие дома могли себе позволить помещения для чего угодно. Однажды Долорес обмолвилась, что у хозяев есть комнаты по их увлечениям: у господина Прилса — «табакерка», где он хранит и смакует сигары, а у госпожи — комната от мигрени, где она предпочитает проводить большую часть своего времени. Флори не знала, говорила ли экономка с сарказмом или впрямь считала, что сигары и мигрень можно отнести к увлечениям. К счастью, для своей дочери Прилсы выбрали более привычное и полезное хобби, выделив для него отдельную комнату.

Сегодня Лили была в хорошем настроении и прилежно выполняла задания, что утешило Флори, которая после долгой дороги чувствовала себя измотанной.

Перед уходом она заглянула на кухню, чтобы выпить воды. Нарочито медленно наполняя стакан, Долорес посетовала:

— Госпожа плохо чувствует себя со вчерашнего вечера. Я только и успеваю, что подносить чай с ромашкой да вишневую настойку. К обеду она либо успокоится, либо опьянеет.

«Либо лопнет», — подумала Флори, а сама промолчала. Долорес была из тех плутовок, что позволяли себе отпустить шутки и упреки в адрес хозяев, но не прощали этого другим. Ее стараниями любое неосторожно оброненное слово могло достичь ушей госпожи Прилс. Долорес служила верно, регулярно принося хозяйке сплетни и пересуды, как дрессированная собачка — тапочки.

